

НАСЛЕДНИКИ НОЧИ И СОЛНЦА

ЯРОСЛАВА САНЛИФ

The background of the cover is a detailed illustration of three young people standing on a rooftop terrace overlooking a city at sunset. On the left, a young man with curly hair in a light shirt looks towards the center. In the middle, a young woman with brown hair in a purple shirt and light pants looks towards the right. On the right, a young man with dark hair in a dark blue shirt looks towards the center. The city below features a mix of old architecture and modern skyscrapers, with a river winding through it. The sky is a warm orange and yellow. Faint, golden geometric lines are overlaid on the scene.

МЕЖДУ
ЗОЛОТОМ И
СЕРЕБРОМ

Ярослава Санлиф
Между золотом и серебром
Серия «Наследники
Ночи и Солнца», книга 1

<https://litres.ru/74267442>

SelfPub; 2026

Аннотация

История семнадцатилетней москвички Кары Воронцовой, которая на выпускном неожиданно проявляет сразу два дара — Солнца и Луны. Ещё вчера Кара выбирала университет и спорила с родителями, а теперь за ней охотятся неизвестные, магические Советы решают её судьбу, а в отражении школьной видеозаписи появляется давно погибшая девушка.

Чтобы раскрыть серию ритуальных убийств, Каре предстоит войти в скрытый мир московских магов, научиться управлять золотой и серебряной силой и понять, кому можно доверять. Рядом с ней оказываются двое: сдержанный наследник Солнца Елисей, помолвленный с другой, и опасный ночной Максим, не привыкший скрывать своих желаний.

История тайных обществ, смертельной магии, трудного выбора и любви, способной соединить то, что веками считалось несовместимым

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	33
Глава 4	56
Глава 5	76
Глава 6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Ярослава Санлиф

Между золотом и серебром

Глава 1

Июнь пах горячим асфальтом, сиренью и свободой. В свободу Кара пока не верила.

Она сидела на бетонном бордюре за школой и сдираала этикетку с бутылки холодного чая. Бутылка запотела, ладонь стала липкой, но до урны было метров двадцать, а после трёх часов консультаций по поступлению это считалось неприлично далеко. Каре было лень думать, говорить и особенно — быть выпускницей.

На спортивной площадке девятиклассники пинали мяч с лицами финалистов Лиги чемпионов. Из открытых окон первого этажа тянуло влажной тряпкой и столовкой.

Через пару лет этот запах якобы должен был вызывать ностальгию. Кара подозревала, что люди просто забывают правду.

— Если мне ещё раз скажут «это ваш последний июнь в школе», я кого-нибудь укушу.

— Начни с завуча, — предложила Поля, устроившись на собственном рюкзаке. — У неё лицо просит кирпича.

На Поле были розовые кроссовки и футболка с надписью

drama queen, которую она носила без малейшей иронии. Рядом лежала косметичка размером с полевую аптечку. Полино «на всякий случай» предусматривало внезапное свидание, апокалипсис и необходимость срочно накрасить подругу против её воли.

— Не лицо, а характер, — сказал Денис.

Он стоял у стены и крутил телефон. Светлая рубашка, закатанные рукава, спокойный вид человека, который знает, что будет делать ближайшие два часа. Кара одновременно завидовала и хотела чем-нибудь в него бросить.

— Характер у всех на лице, — возразила Поля. — Особенно у Соколовой. Вы видели её сегодня? Каблуки, полный боевой раскрас. В девять утра.

— Репетирует взрослую жизнь, — предположила Кара.

— Если взрослая жизнь начинается с каблуков и собраний, я отказываюсь.

— Заявление отклонено, — сказал Денис. — Вам скоро восемнадцать. Государство считает, что вы справитесь.

— Государство плохо меня знает.

Денис улыбнулся. Совсем немного, но Кара заметила.

Вот это она умела замечать: как Поля раздувает пузырь из жвачки, когда довольна; как Денис прячет улыбку; как от бутылки остаётся мокрый круг на бетоне. С выбором университета было хуже.

Пока можно было сидеть здесь. С ними. И не выбирать ещё хотя бы пять минут.

— Документы подала? — спросил Денис.

Кара закрыла лицо ладонями.

— Она опять умерла, — сообщила Поля. — У нас это сезонное.

— Я не умерла. Я выражаю отношение к вопросу.

— Это был простой вопрос.

— Простые вопросы начинаются со слов «будешь чай?». Всё остальное — вторжение в частную жизнь.

Денис сел рядом, оставив между ними место для её бутылки.

— Тебе не обязательно решить всё сегодня.

— Спасибо.

— Но подать документы всё-таки обязательно.

Кара толкнула его плечом. Он даже не покачнулся.

Поля вынула жвачку, завернула в фантик и посмотрела на них с выражением человека, который уже написал про эту сцену длинный пост.

— Что? — спросила Кара.

— Ничего. Любуюсь двумя людьми, которые никогда не скажут ничего вовремя.

Денис уставился в телефон. Кара потянулась к этикетке, хотя от неё остался один рваный угол.

— Я, между прочим, всё важное говорю вовремя.

— Конечно, — сказала Поля. — Обычно через полгода, мысленно и в душе.

Кара хотела ответить, но между лопаток лёг холод.

Он появлялся последние недели без причины: в автобусе, на лестнице, возле магазина. Не страх даже. Скорее уверенность, что кто-то отметил её среди остальных и теперь ждёт.

Она повернула голову.

За школьным забором стояла тёмная машина. Пыльная, без приметных наклеек, из тех, которые забываешь сразу после того, как они проехали. Стекло со стороны водителя было приоткрыто. Кара различала руку на руле и край серого рукава.

— Что там? — Поля проследила за её взглядом.

— Машина.

— Сильное наблюдение.

Внутри салона что-то блеснуло. От руки водителя к зеркалу протянулась тонкая серебристая полоска, натянулась и исчезла.

Кара моргнула.

На руле лежала обычная рука. Мужская, с короткими пальцами и тёмным следом у большого пальца.

— Возможно, за мной следят, — сказала Кара. — Или консультации нанесли непоправимый ущерб мозгу.

Поля выпрямилась.

— Какой-нибудь бывший?

— Для бывшего сначала нужен настоящий.

— Разумно, — сказал Денис. — Номер видишь?

Он уже открыл камеру.

Машина тронулась прежде, чем он успел приблизить

изображение. Вывернула из-за припаркованной «Газели» и растворилась в потоке.

— Не видно, — сказал Денис.

— Значит, паранойя победила доказательную базу.

— Ты видела водителя?

Кара вспомнила серебристую полосу. Сказать о ней вслух оказалось сложнее, чем пошутить о слежке.

— Нет. Только руку.

Денис смотрел на дорогу ещё несколько секунд. Поля убрала косметичку в рюкзак и придвинулась ближе к Каре, не делая из этого отдельного события.

Со школьного крыльца позвали выпускников. Завуч держала папку и то самое лицо, которое, по мнению Поли, просило кирпича.

— Идём, — сказала Кара. — Вдруг нам наконец объяснят, как жить. Я возьму конспект.

Она встала первой.

Чужое внимание исчезло вместе с машиной. Остался тёплый бетон под ладонью, слишком сладкий чай и Денис, который шёл со стороны дороги, чтобы быть ближе к забору.

Кара это тоже заметила.

Дома не играла музыка.

Обычно мать готовила под старые песни, гремела крыш-

ками и спорила с умной колонкой. Сегодня в квартире было тихо. Окна закрыты, хотя после жаркого дня комнаты успели прогреться, а шторы задёрнуты ровно настолько, чтобы с улицы не было видно людей.

— Мам?

— На кухне.

Анастасия стояла у плиты и помешивала картошку с грибами. Домашняя кофта, волосы в пучке, знакомое движение плеча. Только пальцы сжимали деревянную лопатку сильнее, чем требовали грибы.

— Ты рано.

— Освободилась. Садись.

Перед Карой появилась тарелка. Мать сама есть не стала.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда почему мы ужинаем в осаждённой крепости?

Анастасия посмотрела на закрытое окно.

— Завтра выпускной. Я волнуюсь.

— Мам, это школьный актовый зал. Максимальная опасность — речи директора и картофельный салат.

— После официальной части поедешь домой.

— Мы собирались погулять.

— Нет.

Кара положила вилку.

— В смысле?

— В прямом. Закончится выпускной, вызовешь такси и

вернёшься. Не одна.

— Хорошо, что ты предупредила. А я уже считала, что это мой вечер.

Мать отвернулась к двери. Провела пальцами по косяку, и Кара увидела маленькую серебряную булавку. Её кончик потемнел, хотя утром булавки там не было.

— Это ещё что?

— От сглаза.

— Ты серьёзно?

— Карина.

Полное имя прозвучало сухо и окончательно.

Из ванной вышел отец, вытирая руки полотенцем.

— Что у нас?

— У нас родительский переворот, — сказала Кара. — Мои гражданские права временно отменены.

— Насть?

— Я попросила её вернуться после выпускного.

Отец перевёл взгляд на булавку, затем на мать. Пауза была короткой, но Кара успела её заметить.

— Это разумно, — сказал он. — Мы заберём тебя сами.

— Вы сговорились?

— Мы волнуемся.

Отец говорил спокойно. Обычно это работало. Сейчас его спокойствие выглядело ещё одной закрытой дверью.

Кара встала, подошла к окну и отодвинула штору. Во дворе две женщины обсуждали что-то у подъезда, мальчик ка-

тал самокат по кругу, курьер сверял номер дома. Тёмной машины не было.

В стекле отражалась кухня. Отец у стола, мать возле двери, серебряная булавка на косяке. От булавки к оконной раме тянулась тонкая линия, едва светлее стекла.

Кара резко обернулась.

Ничего. Только царапина на старом обойном клее.

— Ты кого-то ждёшь? — спросила она мать.

— Нет.

— Боишься?

Анастасия перестала дышать на один удар сердца. Потом сняла булавку и приколола снова, чуть выше.

— Я хочу, чтобы завтра ты была осторожна.

— Это не ответ.

— Другого пока не будет.

Кара посмотрела на отца. Тот отвёл глаза первым.

Ни машина, ни серебряный блик уже не казались хорошей темой для семейного разговора.

— Прекрасно, — сказала она. — Тогда я тоже пока не скажу, куда мы поедem после.

— Кара.

Она ушла в комнату и закрыла дверь.

Телефон завибрировал почти сразу.

Поля прислала фотографию трёх пар туфель и сообщение: «Выбирай орудие пыток».

Кара села на кровать.

«Синие. Моя мать окончательно сошла с ума».

«Моя купила три кило конфет. Взросление дочерей наносит матерям непоправимый урон».

Кара написала про булавку, стёрла. Написала про машину, тоже стёрла.

«Заедешь завтра пораньше?»

«Я уже собрала косметику. От меня не уйдёшь».

За стеной родители говорили вполголоса. Отдельных слов Кара не слышала. Один раз мать произнесла её имя, отец ответил: «Если это они, мы всё равно не успеем».

Потом щёлкнул замок.

Раз.

Пауза.

Ещё раз.

Кара подошла к двери, но не открыла.

Если спросить, ей снова скажут, что всё нормально. Если не спрашивать, до завтра ещё можно было оставаться обычной выпускницей.

Утром она всё равно пойдёт.

Хотя бы это решение будет её.

На следующий день Поля ворвалась в квартиру с феном, косметичкой и тёмно-синими туфлями.

— Не благодари. Садись.

— Я ещё даже не поздоровалась.

— Поздороваешься после тонального крема.

Через двадцать минут Кара смотрела на девушку в зеркале, которая выглядела выпавшейся и уверенной в будущем. Работа уровня спецэффектов.

— Я гений, — сказала Поля.

— Это пугает, но спорить не буду.

Тёмно-синее платье сидело просто и точно. Полины туфли не жали. Зелёные серьги делали глаза ярче, хотя сама Кара всё равно видела под макияжем следы бессонной ночи.

Мать вошла без стука, остановилась у двери.

— Ты чудесная.

— Спасибо.

Анастасия поправила прядь у её лица. Пальцы были холодными.

— Может быть, останешься?

Поля замерла с кистью в руке.

— Мам.

— Скажешь, что заболела. Аттестат заберём потом.

— Почему?

— Мне беспокойно.

— Тебе всегда беспокойно.

— Сегодня сильнее.

Кара ждала продолжения. Его не было.

— Если ты хочешь, чтобы я осталась, скажи правду.

Мать посмотрела на Полю, на зеркало, на закрытое окно.

— Не могу.

— Тогда я иду.

Анастасия сжала губы. Кара уже приготовилась к приказу, но мать только кивнула и вышла.

Поля осторожно положила кисть.

— У вас всё совсем плохо?

— У нас семейная традиция: все что-то знают, кроме меня.

— Хочешь, не поедем?

Вот так просто. Без «я лучше знаю», без готового решения.

Кара посмотрела на платье, на чужие удобные туфли, на фотографию их троих в девятом классе, приколотую к раме зеркала.

— Хочу поехать.

— Тогда поедем.

Поля подхватила косметичку.

В прихожей отец обнял Кару и потребовал включить геолокацию. Мать вручила маленькую серебряную булавку.

— Приколи с изнанки.

— От сглаза?

— Пусть будет так.

Кара прикрепила булавку к подкладке клатча. Спорить ещё и с куском металла не хотелось.

Перед выходом мать обняла её крепче обычного.

— Я тебя люблю.

— Я тоже.

— Если увидишь что-нибудь странное, не подходи.

Кара отстранилась.

— Что именно?

— Позвони мне.

— Мам.

Но отец уже открыл дверь, а с лестницы донёлся голос Поли:

— Кара, мы опоздаем на собственную молодость!

Во дворе ждала машина Полиного отца. У мусорных баков никого не было. На другой стороне улицы стояли три припаркованных автомобиля, ни один не походил на вчерашний.

Кара села на заднее сиденье.

Когда машина отъехала, она посмотрела на своё окно. Штора шевельнулась. Мать или сквозняк.

Рядом Поля рассказывала, как собирается пережить директорскую речь. Кара слушала, кивала и держала клатч на коленях. Серебряная булавка внутри нагрелась от её ладони.

Школу украсили с энергией людей, которые боялись, что выпускники не поймут важность события. Шары на перилах, белые ткани, искусственные цветы, ещё одна арка у входа. На крыльце родители фотографировали детей, дети фотографи-

ровали себя, учителя пытались не потерять списки.

В актовом зале пахло духами, пылью и сладкой газировкой. Над сценой стоял металлический каркас с гирляндами. Слева на колёсной стойке темнел большой экран: до начала церемонии на нём показывали школьные фотографии, теперь он погас и отражал зал мутнее обычного зеркала.

Денис ждал у окна. Тёмно-синий костюм сидел на нём немного неловко, зато галстук был завязан с математической точностью.

— Ты пришла, — сказал он.

— Ты сомневался?

— Вчера — нет. Сегодня уже да.

Поля подтолкнула Кару локтем.

— Скажи ей нормально.

— Что?

— Бесполезный человек.

Денис посмотрел на Кару.

— Ты красивая.

Он произнёс это без улыбки. У Кары нагрелись щёки.

— Спасибо Поле. Моё участие было минимальным.

— Ложь, — сказала Поля. — Исходный материал приличный.

Кара отвернулась к сцене. На чёрном экране отражались ряды стульев, родители и светлое пятно дверей.

Возле самого края отражения стояла женщина.

Короткие чёрные волосы, тёмная одежда, тяжёлый пря-

мой взгляд. Она была старше выпускников, но моложе учителей. Кара обернулась.

На том месте сидела чья-то бабушка в сиреневой блузке. Рядом мальчик поправлял камеру. Темноволосой женщины не было.

Кара снова посмотрела на экран.

Только мутный зал.

— Опять? — тихо спросил Денис.

— Что?

— У тебя то же лицо, что вчера у забора.

— У меня одно лицо. Поля может подтвердить, она с ним работала.

Денис не засмеялся.

На сцену поднялась классная руководительница. Все расселись, и следующие полтора часа прошли в речах о выборе, дороге и школьной семье. Поля театрально вытерла несуществующую слезу. Денис сунул ей салфетку. Кара получила аттестат, не споткнулась о ступеньку и сочла это достаточным жизненным достижением.

Когда официальная часть закончилась, зал загудел. Родители ушли к накрытым столам в соседний кабинет, музыку сделали громче. Поля потащила друзей танцевать.

Кара продержалась три песни. Потом чужие духи, теснота и свет гирлянд сложились в одну пульсирующую головную боль.

— Я на воздух, — крикнула она Поле.

Та показала большой палец и продолжила прыгать.

У боковой лестницы было тихо. Музыка проходила сквозь стену глухими ударами. Над спортзалом висела первая звезда, у забора кто-то прятал бутылку в бумажном пакете.

— Не любишь толпу?

Кара обернулась.

Парень стоял у стены, не загораживая проход. Светлые волосы, серо-золотые глаза, костюм, который сидел так, будто его шили на человека, а не выдавали перед выпускным. Он был красивый и явно об этом знал, хотя не прикладывал усилий, чтобы знали остальные.

— Люблю, — сказала Кара. — Иногда на расстоянии.

— Понимаю.

— Вы кто? На репетициях вас не было.

— Я не из вашей школы. Приехал с сестрой. Елисей Ланской.

— Кара.

— Карина?

— Только для государственных учреждений и рассерженной матери.

Уголок его рта дрогнул.

— Тогда Кара.

Он произнёс имя осторожно, проверяя, можно ли. Кара неожиданно это оценила.

— Вы всегда знакомитесь с людьми у пожарной лестницы?

— Нет. Здесь тише.

— Было.

Молчание не требовало срочно заполнить его словами. Из зала донёсся вопль человека, не попавшего ни в одну ноту.

На запястье Елисея блеснул тонкий золотой браслет. От металла к его ладони прошла тёплая полоса и скрылась под манжетой.

Кара задержала взгляд.

Тепло отозвалось у неё под левым запястьем. Не болью. Коротким давлением изнутри.

Елисей сразу стал серьёзнее.

— Что ты увидела?

Переход на «ты» прозвучал не как флирт.

— Дорогой браслет.

— Кара.

— Мы знакомы две минуты. Рано использовать такой тон. Он принял замечание без спора. Отступил на полшага.

— Хорошо. С вами всё в порядке?

— Намного лучше.

Теперь он посмотрел не на её лицо, а на руки.

— Сегодня лучше уехать раньше.

— Почему?

Елисей перевёл взгляд на открытые двери зала. В глубине мигали гирлянды, чёрный экран отражал движущиеся фигуры.

— Я не уверен.

Первая честная реплика за весь вечер. Кара уже хотела спросить дальше, но из зала высунулась Поля.

— Вот ты где! Алину сейчас объявят. Идём.

Елисей не удержал Кару и не повторил предупреждение. Только освободил проход.

— Будьте осторожнее, — сказал он.

— Это уже больше похоже на официальное обращение.

Кара вернулась в зал.

У двери она оглянулась. Елисей стоял на прежнем месте и смотрел не на неё.

На чёрный экран у сцены.

После выступления Алины обещали медленные танцы, поэтому Поля заранее объявила её голос общественно значимым событием.

— Сними мне начало, — попросила она, протягивая Каре телефон. — У меня память закончилась.

— На телефоне?

— Везде.

Кара взяла свой: Полино устройство отказывалось открыть камеру. Алина вышла на сцену в белом платье, поправила микрофон и улыбнулась кому-то в первом ряду. Высокая, светловолосая, спокойная. Только пальцы на стойке сжимались крепче, чем нужно.

Заиграло вступление.

Голос у Алины оказался тёплым и низким. Школьный зал на несколько секунд перестал быть школьным: учителя замолчали, выпускники убрали телефоны, даже Поля не комментировала.

Кара держала Алину в центре кадра.

На чёрном экране за её спиной появилась темноволосая женщина.

Она стояла близко к внутренней поверхности, хотя перед экраном никого не было. На этот раз Кара разглядела короткие волосы, резкую линию скул, тёмные глаза. Женщина смотрела не на Алину.

Прямо в объектив.

Кара опустила телефон.

Экран отражал сцену, ряды стульев и гирлянды. Женщины не было.

На записи она осталась.

Кара подняла телефон снова. Темноволосая женщина резко повернула голову к металлическому каркасу. Прижала ладонь к чёрной поверхности.

Экран под её пальцами пошёл рябью.

Холод вошёл Каре под правое запястье.

Она посмотрела на Алину уже без телефона.

От её горла и рук тянулись тонкие светлые нити. Они уходили вверх, переплетались с проводами гирлянд и сходились над сценой в тугий узел. С каждой нотой он становился плот-

нее.

— Денис, — сказала Кара.

Он наклонился к ней.

— Что?

— Ты видишь над сценой свет?

— Гирлянды?

Не видел.

Никто не видел. Алина пела. Девушка в первом ряду снимала сторис. Мужчина у дальней стены поправил служебный пропуск на сером шнурке и поднял голову к каркасу.

Узел дёрнулся.

Нити натянулись вокруг горла Алины.

Женщина в экране ударила ладонью по чёрной поверхности.

— Алина! — крикнула Кара.

Голос певицы оборвался. Она повернула голову.

Узел сорвался вниз.

Кара бросилась к сцене.

Холод поднялся по правой руке, быстро и глубоко. Левая вспыхнула жаром. Два удара сердца не совпали: один ото-звался у горла, второй толкнул из груди.

Пальцы правой руки онемели. Левую обожгло до локтя.

Кара выставила обе ладони.

Серебряная линия перехватила падающие нити.

Золотая ударила в каркас.

Металл рвануло в сторону. Гирлянды вспыхнули белым,

лампочки лопнули одна за другой. Алина упала за край сцены. Белая ткань арки взметнулась и накрыла пустое место, где она стояла секунду назад.

Микрофон завизжал.

Каркас рухнул.

Кара почувствовала удар не телом, а внутри: серебро затянулось под кожей, золото толкнуло в рёбра. Воздух вышел из лёгких. Она опустилась на колени, выставив руку перед собой.

Кто-то кричал. По полу катились пластиковые цветы. Люди рванули к дверям, столкнулись, отхлынули от сцены.

— Назад!

— Скорую!

— Выключите электричество!

Поля вцепилась Каре в плечо.

— Ты ранена?

Кара провела языком по губе. Металлический вкус. Из носа шла кровь.

— Не знаю.

Денис уже был у сцены. Вместе с учительницей он оттягивал ткань. Под ней кашляла Алина. Белое платье испачкалось пылью, на виске темнела ссадина.

Живая.

Кара попыталась встать. Пол качнулся.

На внутренней стороне правого запястья светилась тонкая серебряная линия. На левом — золотая. Обе пульсировали

в разном ритме.

Она дёрнула рукава вниз.

У дальней стены стоял мужчина со служебным пропуском.

Все вокруг двигались: учителя, выпускники, родители, охранник. Только он смотрел на Кару. Серый шнурок лежал поверх тёмной куртки, лицо скрывала тень от колонны.

Кара узнала руку.

Короткие пальцы. Тёмный след у большого пальца.

Между ними пробежали двое старшеклассников. Когда проход освободился, мужчины уже не было.

— Ты увидела раньше, — сказал Елисей.

Он оказался рядом и протянул руку, но не коснулся. Кара поднялась сама, опираясь на кресло.

— Что?

— Ты закричала до того, как сорвался каркас.

— Значит, у меня хорошее зрение.

— Нет.

Денис вернулся от сцены.

— А ты кто?

Елисей посмотрел на него, потом снова на Кару.

— Вам нужно вывести её отсюда.

— Я никуда не пойду без Поли и Дениса.

— Хорошо. Вместе.

Кара ожидала спора и на секунду растерялась.

— Телефон, — сказала Поля. — Где твой телефон?

Он лежал у сцены экраном вниз. Стекло пересекала трещина, но камера всё ещё работала.

Кара подняла его. Запись длилась две минуты сорок семь секунд.

— Потом посмотришь, — сказал Елисей.

Она нажала воспроизведение.

— Кара.

— Вы можете выйти. Я догоню.

Поля и Денис остались.

На записи Алина пела. За её спиной темнел экран. Женщина с короткими чёрными волосами стояла внутри отражения, пока зал двигался вокруг неё. Несколько секунд она смотрела в объектив. Потом повернулась к каркасу и подняла руку.

Видео дёрнулось, когда Кара побежала. Свет залил кадр. Послышался треск.

Перед самой вспышкой женщина снова посмотрела в камеру.

Не на Алину.

На Кару.

Глава 2

Роман смотрел на окно третьего этажа и ждал, когда в квартире выключат свет.

Машина стояла через двор, за мусорными баками. Левая фара не горела, водительское стекло закрывалось только после удара по двери. Для слежки годилась. Для всего остального давно пора было на свалку.

Он курил при открытом окне. Сигарета горчила, дым лез в глаза. На большом пальце снова разошёлся старый ожог — Кара Воронцова смотрела именно на него перед тем, как он ушёл из зала.

Может, узнала.

Роман затаился глубже и открыл видео на служебном телефоне.

Запись дрожала. Алина пела на сцене, школьники держали телефоны над головами, гирлянды били в объектив белыми пятнами. Роман снимал из-за колонны. Ему велели зафиксировать отклик и не лезть вперёд.

Перед выступлением он три минуты изображал техника за сценой. Служебный пропуск открывал нужные двери, серый зажим точно сел на коробку с проводами. «Датчик», — сказал Покровитель. Роман не спросил, что он измеряет.

Он не полез.

На двадцать третьей секунде в чёрном экране появилась

женщина.

Короткие волосы. Тёмные глаза. Ладонь прижата к стеклу.
Роман остановил запись.

Лицо распалось на квадраты, но ошибки быть не могло.
Он видел эту женщину в подвале старой мастерской. Она лежала возле зеркала, босая, с серым следом на запястье. Покровитель велел проверить пульс.

Пульса не было.

Роман сам накрыл ей лицо курткой, потому что открытые глаза мешали работать.

Теперь она смотрела на него с экрана телефона.

Он перемотал назад. Женщина возникла из чёрного стекла, повернулась к каркасу, ударила ладонью. Потом Кара сорвалась с места. На её руках вспыхнули две линии: серебряная справа, золотая слева.

Роман посмотрел ещё раз.

Обе.

В окне квартиры прошла тёмная женская фигура. Мать Кары задёрнула штору и задержалась у стекла. Роман пригнулся, хотя из комнаты его всё равно нельзя было разглядеть.

Служебный телефон завибрировал.

— Докладывай, — сказал голос.

Роман выпрямился.

— Воронцова дома. С родителями. Ланского пока нет.

— Сила?

— Две линии.

Пауза.

— Уверен?

— Я видел. Серебро и золото.

— Покажи запись.

Роман отправил файл. Полоса загрузки дошла до конца. В окне третьего этажа погас свет, но кухня осталась освещённой.

— На двадцать третьей секунде, — сказал он.

Голос замолчал.

Роман вынул сигарету изо рта. Пепел упал на куртку, он стряхнул его на коврик.

— Вы её видите?

— Кого?

Он сразу понял, что надо было промолчать.

— Женщину в экране. Из мастерской.

На этот раз пауза была длиннее.

— Ты уверен, что это она?

— Я проверял пульс.

— Я помню.

Роман сжал телефон. Мягкий голос не изменился, но в животе стало пусто.

— Она была мертва.

— Ты проверил?

— Сам.

— Значит, это след.

Роман снова посмотрел на остановленный кадр. Женщина держала ладонь на чёрном стекле. Даже разбитая на пиксели, она выглядела злой.

— Почему он вылез сейчас?

— Откликнулся на девочку.

— На её линию?

— На неё, Роман.

Поправка прозвучала спокойно. Как будто разница была очевидной, а он опять оказался тупее, чем требовалось.

— Запись есть у Воронцовой? — спросил голос.

— Она снимала на свой телефон. Экран треснул, но файл остался. Я видел, как они смотрели.

— Кто ещё?

— Подруга, мальчишка, Ланской.

— Копии?

— Не знаю.

— Оригинал заберёшь до восьми утра.

Роман посмотрел на подъезд.

— Там мать. Защита на квартире старая, но живая. Булавки, порог, что-то на окнах.

— Поэтому ты не войдёшь в квартиру.

— А как тогда?

— Они уедут.

— Откуда вы знаете?

— Потому что Анастасия Воронцова не станет ждать у закрытой двери.

Роман провёл пальцем по ожогу. Значит, Покровитель знал мать. Давно знал. Спрашивать дальше не стоило.

— Телефон забрать. Девочку не трогать, — продолжил голос. — Если оригинал уже скопирован, сообщишь. Сам ничего не удаляй.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь, что именно удаляешь.

Роман отвернулся к окну. За шторой двигались три тени. Одна ниже остальных.

— А Алина?

— Жива.

— Я видел.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он и сам не знал. Девушка в белом упала удачно. Каркас прошёл рядом. На этот раз никто не умер.

На этот раз.

— Понял, — сказал Роман.

— Хорошо. Ты полезен, когда следуешь указаниям.

Связь оборвалась.

Роман ещё несколько секунд держал телефон у уха.

Полезен.

Ему доверили оригинал. Не наблюдение, не номер машины, не пакет, который надо передать не заглядывая. Настоящее дело.

Он посмотрел на женщину в застывшем кадре.

— Чего уставилась?

Она не ответила. Только ладонь на стекле казалась ближе, чем секунду назад.

Роман погасил экран.

Дома мать сидела на кухне в халате и пила чай из большой чашки с облупившейся розой. На столе под крышкой лежали две котлеты.

— Опять всю ночь шлялся, — сказала она.

— Работал.

— У благодетеля?

— Не начинай.

Роман снял куртку и сел. Котлеты остыли, жир застыл по краям белыми точками. Он ел прямо со сковороды, чтобы не мыть тарелку.

Мать посмотрела на его палец.

— Ожог разодрал.

— Сам вижу.

Она положила рядом пластырь. Не стала требовать, чтобы он наклеил.

— Что он тебе пообещал на этот раз?

— Ничего.

— Врёшь.

— Мам, отстань.

— Когда ничего не обещают, ты домой злой приходишь.

А сейчас сидишь довольный.

Роман перестал жевать.

— Я не довольный.

— Конечно.

Мать отпила чай.

— Работа у тебя была на складе. А это не работа.

— Ты его не знаешь.

— Зато тебя знаю.

Служебный телефон завибрировал в кармане. Одно сообщение:

«Телефон. До 08:00».

Роман перевернул аппарат экраном вниз.

— Он тебя использует, — сказала мать.

— За использование платят.

— Так где деньги?

Он встал, оставив половину котлеты.

— Посплю час.

— Рома.

Он не обернулся.

В комнате Роман достал из кармана потрёпанный туз пик и положил рядом с телефоном. Один шанс. Надо было только сделать всё правильно.

Экран снова загорелся от уведомления.

Под текстом сообщения остался остановленный кадр: чёрное стекло, женская ладонь, открытые глаза.

Роман положил туза поверх телефона.

Глава 3

Дома горел свет во всех комнатах.

Кара открыла дверь своим ключом и не успела снять туфли, когда мать вышла в прихожую. На ней были домашние брюки и серая кофта, но волосы она собрала так туго, словно собиралась не спать, а вести переговоры.

Отец стоял в дверях кухни. На столе за его спиной остывал чайник.

— Телефон, — сказала Анастасия.

Не «как ты». Не «что случилось».

Кара прижала клатч к боку.

— Я тоже рада вас видеть.

— Положи телефон на тумбу и не включай.

— Нет.

Мать остановилась. Кара раньше много раз видела, как она сердится: поджигает губы, начинает протирать уже чистую столешницу, произносит полное имя дочери. Сейчас лицо у неё оставалось спокойным. Только пальцы правой руки перебирали воздух, словно искали привычную вещь и не находили.

— Кара, это не просьба.

— Тогда тем более нет.

Она разулась. На правом запястье из-под рукава выступила серебряная линия. Холодная, тонкая, почти неподвижная.

Золотая на левой руке отозвалась теплом.

Мать увидела обе.

Её рука замерла.

— Покажи.

— Сначала вы покажете, что происходит.

Отец прикрыл входную дверь и дважды повернул замок.

Защёлкнул цепочку. Этот звук Кара слышала прошлой ночью, стоя в своей комнате.

— Насть, — сказал он.

— На кухню.

Даже испуг у матери звучал как распоряжение.

Кара прошла мимо неё. Ноги после чужих туфель ныли, в висках толкалась боль, платье пахло школьной пылью и чем-то горелым. Обычный конец выпускного, если не считать рухнувшей сцены и двух светящихся рук.

На кухне она положила телефон перед собой, но ладонь не убрала.

— Кто эта женщина?

— Какая женщина? — спросил отец.

— Та, которую камера сняла внутри выключенного экрана.

Он посмотрел на Анастасию.

— Включи, — сказала мать.

— Минуту назад было нельзя.

— Теперь я рядом.

Это должно было успокаивать. Почему-то не получилось.

Кара открыла запись. На экране Алина вышла к микрофону. За её спиной возникла темноволосая женщина и прижала ладонь к чёрному стеклу.

Анастасия не коснулась телефона. Наклонилась ближе, посмотрела один раз и выпрямилась.

— Ты её знаешь?

— Нет.

Ответ пришёл слишком быстро, но лицо матери не изменилось. Она действительно не знала.

— Тогда что это?

— Остаточный след.

Первое настоящее слово за два дня.

— Чей?

— Я сказала: не знаю.

— А что значит «остаточный»?

Анастасия взяла со стола деревянную подставку и поставила на неё телефон, будто стекло могло обжечь.

— После сильного воздействия часть человека иногда остаётся в предмете или месте. Память. Отпечаток силы. Редко — намерение.

На записи женщина повернулась к каркасу раньше, чем он начал падать.

— Она меня предупредила.

— Возможно.

— След может предупреждать?

— Не должен.

— Очень содержательно.

— Я не буду придумывать ответ, чтобы тебе стало спокойнее.

Кара посмотрела на мать. Вчера та без труда придумала сглаз, булавку и необходимость вернуться пораньше.

— Это остаётся после смерти?

Отец шумно поставил чашку на стол. Немного чая выплеснулось на блюдо.

Анастасия ответила не сразу.

— После смерти. После тяжёлой травмы. После насильственного отделения силы. Я не знаю, что произошло с этой женщиной.

— Но что-то произошло.

— Да.

Кара остановила видео на лице незнакомки. Трещина в стекле прошла через её щёку.

— И она откликнулась на меня.

— На твоё пробуждение.

— Это разные вещи?

Мать посмотрела на неё с той же усталой точностью, с какой объясняла в детстве, почему нельзя перебегать дорогу на мигающий зелёный.

— Да.

— Тогда объясни.

— Сначала телефон нужно убрать.

— Нет. Сначала — всё остальное.

В холодильнике включился мотор. За стеной соседи двигали мебель или снова роняли пылесос. Москва продолжала ночь, не подозревая, что на кухне Воронцовых обсуждают намерения внутри выключенного экрана.

Анастасия села напротив.

— То, что ты видела на выпускном, существует давно. Людей, способных проводить силу, условно делят по двум линиям. Солнечной и ночной.

— Условно?

— Сейчас это не главное.

— Конечно. Главное всегда определяешь ты.

Мать выдержала удар молча.

— Я принадлежу к ночной линии, — продолжила она. — Твой отец — носитель солнечной. Его линия не пробудилась. Кара перевела взгляд на отца.

Он сидел, обхватив ладонями чашку. Обычные руки: широкие, тёплые, знакомые. Этими руками он чинил дверцу её шкафа, резал хлеб, ставил подпись под разрешением на школьную экскурсию. Теперь выяснилось, что даже в них была тайна.

— Ты знал?

— Про маму — да. Про себя тоже.

— Про меня?

Отец посмотрел прямо.

— Что ты можешь унаследовать одну из линий. Мы не думали, что обе.

— Вы не думали или решили не проверять?

Он опустил чашку.

— Решили не отдавать тебя тем, кто стал бы проверять.

— Поэтому не сказали мне.

— Поэтому, — сказала Анастасия, — я не дала твоей силе пробудиться.

Кара сначала слышала слова. Смысл пришёл позже.

Она провела большим пальцем по серебряной линии. Холост поднялся к локтю. Золото на другой руке толкнулось в ответ.

— Не дала — это как?

— Поставила блокировку. Поддерживала её, пока могла.

Серебряные булавки на косяках. Подвески, которые мать заставляла надевать на экзамены. Тонкая металлическая нить в подкладке зимнего пальто — Кара однажды нашла её и получила ответ про укрепление шва.

— Сколько лет?

— С детства.

— Поэтому мне всегда плохо днём?

Мать молчала.

Этого хватило.

Кара встала. Стул скрипнул по плитке.

— Я ходила по врачам.

— Я знаю.

— Мне говорили, что я ленивая. Что надо раньше ложиться, больше гулять, проверить железо. Ты сидела рядом.

— Я надеялась, организм привыкнет.

— К тому, что ты с ним сделала?

Анастасия тоже поднялась.

— К жизни без силы.

— Ты хоть слышишь себя?

— Каждый день.

В голосе матери впервые что-то треснуло. Не громко. Кара всё равно слышала.

Анастасия отвернулась, достала с верхней полки круглую жестяную коробку из-под печенья. Кара помнила её с детства: внутри лежали пуговицы, катушки ниток и булавки. Мать высыпала всё на стол. Между цветными нитками звякнули тонкие серебряные пластины, каких в обычном наборе для шитья не бывает.

— У меня была двоюродная сестра Ирина, — сказала она.

— Она видела связи внутри защитных вещей. Лучше взрослых. Когда ей исполнилось восемнадцать, Совет предложил обследование и обучение. Семья согласилась.

Мать выстелила коробку чёрным платком.

— Через три месяца нам сообщили, что Ирина уехала. Хорошая программа, другой город, никаких контактов ради безопасности. Через год я увидела её на вокзале. Она посмотрела на меня и не узнала.

Отец закрыл глаза.

— Что с ней сделали?

— Назвали лечением.

— А было?

— Я не знаю. Никто не дал мне спросить её.

Анастасия положила телефон в коробку и не закрыла крышку.

— Я решила, что с тобой такого не будет.

— И поэтому сама изменила мне память? Тело? Что именно ты меняла все эти годы?

— Только проводимость. Я не трогала твою память.

— Удобная граница.

Мать сжала край стола.

— Да. Удобная. И неправильная. Но тогда она казалась единственной, которую я могу провести сама.

Кара ждала привычного продолжения: «я хотела как лучше», «когда у тебя будут дети», «ты не понимаешь». Анастасия ничего не добавила.

Это не делало произошедшее меньше.

— Почему блокировка сорвалась?

— Из-за угрозы. Из-за второй линии. Возможно, из-за следа. Я не знаю.

Снова честное незнание. За один разговор мать призналась, что не знает больше, чем за предыдущие семнадцать лет.

Кара села обратно.

— Кто за мной следит?

— Я не знаю имени.

— А кому понадобился этот телефон?

— Если след действительно откликнулся, запись будут искать те, кто его оставил. И те, кто захочет использовать тебя, чтобы он ответил снова.

— Совет Ночи?

— Не только.

— Дом Солнца?

Пауза была короткой.

— Я не доверяю ни одному Совету.

— Но позовёшь кого-то из них.

— Позову человека, который может вывезти тебя из квартиры и не отдать Ночи в ту же ночь.

— Елисея?

Взгляд матери стал резче.

— Так его зовут?

— Он был в школе. Видел линии. Не схватил меня и не потащил, что по нынешним меркам почти рекомендация.

— Он уже сообщил о тебе.

— Откуда ты знаешь?

Анастасия кивнула на свой телефон. На экране высветилось новое сообщение без имени отправителя.

«До восьми. Только девочка».

Было 04:12.

— Отдохни, — сказала мать. — У нас мало времени.

Кара посмотрела на жестяную коробку.

— Телефон останется у меня.

— Кара.

— Это не просьба.

На этот раз мать не спорила. Закрыла коробку и подвинула к ней.

Спать не получилось.

Кара сняла платье, смыла с лица остатки выпускного и легла поверх покрывала. В комнате всё стояло на своих местах: учебники, серьги на блюде, фотография с Полей и Денисом, список университетов на столе. Вчера этот список был главной угрозой её будущему.

Телефон лежал в жестяной коробке на полу возле кровати. Кара выключила сеть, но не само устройство. Каждые несколько минут ей хотелось открыть видео и проверить, не исчезла ли женщина.

В 06:03 пришло последнее сообщение от Поли, успевшее загрузиться до отключения:

«Алина в больнице, ушиб и ссадина. Жива. Ты где?»

Кара написала: «Дома. Со мной всё нормально», но не отправила.

Нормально закончилось вчера у школьного забора.

В семь мать постучала и вошла с рюкзаком.

— Документы, одежда на три дня, лекарства. Остальное купят.

— Кто?

— Дом Солнца.

— Звучит как санаторий с плохой репутацией.

— Репутация у них как раз безупречная. Это меня и беспокоит.

Мать поставила рюкзак у шкафа. Под глазами у неё легли тени. Кара не помнила, когда видела её такой усталой.

— Вы едете со мной?

— Нет.

— Почему?

— Нам безопаснее остаться под защитой квартиры. Тебе — уехать до того, как твои линии окончательно сорвут её.

— Очень семейно. Ребёнка отправляем неизвестно куда, взрослые остаются с чайником.

— Если мы выйдем все, нас будет проще взять по дороге.

Мать произнесла это без нажима. Как факт, с которым сама спорила уже несколько часов и проиграла.

Кара положила в рюкзак джинсы. Потом вытащила. Свернула аккуратнее, хотя необходимости не было.

— Кто встретит?

— Ланской.

— Ты ему доверяешь?

— Нет.

— Наконец-то стабильность.

— Я доверяю тому, что его Дом не позволит забрать тебя открыто. Пока этого достаточно.

В половине восьмого отец принёс чай. В её любимой чаш-

ке с жёлтой полосой по краю.

— Обожжёшься, — сказал он.

Кара взяла чашку обеими руками. Золотая линия согрела керамику с одной стороны, серебряная оставила холодное пятно с другой.

Отец сел на край стула.

— Ты правда не знал про блокировку?

— Знал, что мама сдерживает пробуждение. Не знал, что это причиняет тебе столько вреда.

— Потому что не спрашивал.

— Потому что хотел поверить человеку, которого люблю.

Честный ответ не был хорошим.

Кара отпила чай. Слишком горячий, слишком крепкий. Отец всегда заваривал именно так.

— Ты сердишься? — спросил он.

— Да.

— Хорошо.

Она подняла глаза.

— Что в этом хорошего?

— Ты не обязана успокаивать нас перед отъездом.

Он поставил рядом маленький ключ.

— От коробки. Мама добавила замок.

Кара надела ключ на цепочку и спрятала под футболкой.

Отец коснулся её плеча, но не обнял. Оставил ей сделать последний сантиметр самой.

Кара наклонилась к нему.

Чашка осталась на столе недопитой.

В дверь позвонили в 07:41.

Анастасия посмотрела на часы и открыла не сразу. Сначала приложила ладонь к косяку. Серебряные булавки одна за другой коротко блеснули под краской.

На площадке стоял Елисей.

Без костюма он выглядел моложе: тёмные джинсы, светлая рубашка с закатанными рукавами, тот же золотой браслет. Вчера Кара видела его среди гирлянд и нарядных выпускников. Здесь, возле зелёной стены и щитка с рекламой доставки воды, он казался ошибкой в декорациях.

— Анастасия Сергеевна, — сказал он. — Времени мало.

— Кто внизу?

— Двое наших снаружи. Ещё двоих я не знаю.

— Значит, уже пришли.

Елисей посмотрел на Кару. Не на лицо — на жестяную коробку в её руках.

— Запись у тебя?

— Доброе утро.

— Доброе. Запись у тебя?

— Да.

— Дай мне телефон.

— Нет.

Елисей перевёл взгляд на её мать.

— Она должна взять его с собой, — сказала Анастасия.

— Он может вести их к ней.

— Поэтому коробка.

— Старая защита.

— Зато моя.

Они говорили о Каре через её голову с поразительной скоростью.

— Я никуда не еду, пока мы не договоримся, — сказала она.

Оба замолчали.

Неплохое начало.

— Первое: мои родители остаются под охраной. Не «кто-нибудь присмотрит», а люди, чьи имена они знают.

— Уже, — сказал Елисей. — Двое во дворе — Илья и Вадим. Анастасия Сергеевна получит номера.

— Второе: телефон остаётся у меня.

Он посмотрел на коробку.

— До Дома. Там его придётся проверить.

— При мне.

— Хорошо.

— Третье: в Доме сначала исследуют запись. Не меня.

Елисей чуть нахмурился.

— Я не могу обещать порядок решений Совета.

— Тогда я не могу обещать, что выйду из квартиры.

Мать втянула воздух, но не вмешалась.

— Я могу отвезти тебя к человеку, который умеет читать следы, — сказал Елисей. — И добиться, чтобы запись посмотрели до официальной проверки. Ответа я не обещаю.

— Почему?

— Потому что не знаю, кто эта женщина.

Кара внимательно посмотрела на него. Он мог соврать проще. Назвать след обычным, телефон опасным, её — слишком уставшей, чтобы решать.

— И мы выясним, почему она откликнулась на меня.

— Постараемся.

— Это слово ничего не стоит.

— Другого честного у меня нет.

На лестнице ниже хлопнула дверь.

Елисей повернул голову. Золотой браслет на его запястье потеплел цветом.

— Решай сейчас.

Кара прижала коробку к животу. В квартире за её спиной были родители, незакрытая кружка, платье на полу и семнадцать лет жизни, которая оказалась аккуратно отредактированной версией правды. Впереди — человек, которому она не доверяла, и единственное место, где могли назвать женщину на записи.

— Еду, — сказала она. — На этих условиях.

— Да.

Мать обняла её первой. Крепко, обеими руками, с привычным желанием закрыть собой всё сразу.

— Не отдавай никому кровь, волосы и личные вещи, — прошептала она. — Ничего не подписывай. Если скажут, что процедура обязательна, звони мне.

— Отличный отзыв о выбранном лагере.

Анастасия не улыбнулась.

Отец обнял короче. Положил ладонь ей на затылок и сразу убрал.

— Мы здесь.

Кара кивнула. Если заговорит, голос подведёт.

Она вышла на площадку сама.

Дверь квартиры закрылась за спиной. Щёлкнули замки.

Елисей быстро пошёл к лестнице, но на первом пролёте остановился.

— Руки.

— Что?

— Покажи линии.

— Ты уже видел их вчера.

— Вчера был выброс. Мне нужно понять, стабильны ли они сейчас.

— Спроси нормально.

Снизу донеслись шаги.

Елисей протянул руку. Кара отступила, но перила упёрлись в спину. Его пальцы сомкнулись на её правом запястье.

Холодная линия вспыхнула под кожей.

На левой руке ответило золото.

Два ритма ударили навстречу друг другу. Кара потеряла равновесие. Елисей придержал её за локоть, и от его ладони прошла сухая волна тепла — не боль, но давление, от которого захотелось вырвать обе руки.

— Отпусти.

Он смотрел на серебро. Слишком сосредоточенно.

— Елисей.

Золотая линия Кары толкнулась сильнее. Браслет на его руке вспыхнул.

Он разжал пальцы.

На коже остались светлые следы от его захвата. Кара закрыла запястье ладонью.

— Никогда больше так не делай.

Елисей собирался ответить, но этажом ниже показался мужчина.

Серая куртка, служебный шнурок без карточки. Он поднял руку к перилам.

Короткие пальцы. Тёмный ожог у большого пальца.

Кара узнала его раньше, чем лицо.

— Это он, — сказала она.

Мужчина тоже узнал её.

— Телефон оставь, — крикнул он. — Иди куда хочешь.

Второй человек вышел на площадку за ним.

Елисей шагнул между ними и Карой.

— Наверх.

— Там крыша.

— Наверх, Кара.

На этот раз она побежала не потому, что он приказал. Мужчине был нужен телефон, а телефон был у неё.

Кара перескакивала через ступени, коробка билась о рёбра. На последнем этаже Елисей догнал её и приложил браслет к старой металлической двери. Золото растеклось по замку тонкой полосой. Что-то щёлкнуло.

За дверью пахло пылью, горячим металлом и голубиным помётом.

— Очень романтичный тайный ход, — выдохнула Кара.

— Левее.

Не время. Понятно.

Они протиснулись между трубами. Технический этаж соединял две секции дома; впереди стояла ещё одна дверь. За спиной ударил металл.

— Они вошли, — сказала Кара.

Елисей провёл её к низкому проёму. На этот раз не схватил — показал ладонью, куда наступить, и дождался, пока она пролезет сама.

В соседнем подъезде они спускались пешком. На четвёртом этаже звякнул лифт.

Елисей загородил Кару плечом и прижал палец к губам.

Двери открылись. Из кабины выглянул мужчина в летней рубашке. Не тот, с ожогом. Он быстро осмотрел площадку,

задержался на лестнице и достал телефон.

— Во второй секции, — сказал он. — Девчонка несёт коробку.

Елисей беззвучно досчитал до трёх. Когда лифт закрылся, они пошли вниз.

На первом этаже он открыл запасной выход. Летнее утро ударило светом и гулом машин. Во дворе дворник поливал асфальт, ребёнок в пижамных шортах катал самокат, у песочницы две женщины делили новости на весь район.

У главного подъезда стояла тёмная машина.

Рядом — человек с ожогом.

Он увидел Кару и побежал через двор.

Елисей кивнул на проезд между домами.

— Машина там.

Кара бежала первой.

Золотистый седан стоял под липой. Елисей открыл двери. Кара бросила рюкзак назад, села и удержала коробку на коленях.

— Ремень, — сказал он, заводя двигатель.

— Сейчас?

Он посмотрел в зеркало. Люди уже выбежали из-за гаражей.

— Особенно сейчас.

Кара пристегнулась.

Кара захлопнула дверь. Машина тронулась сразу, седан свернул в узкий проезд и проскочил между мусоровозом и

припаркованным фургонном.

Тёмная машина появилась сзади через два поворота.

— Они за нами.

— Вижу.

Елисей не давил сигнал и не бросал машину между рядами. На перекрёстке пропустил курьера на велосипеде, затем резко ушёл направо, под арку торгового центра.

Кара оглянулась. Тёмная машина повторила поворот.

На пассажирском стекле проступила полоска серебра. Она потянулась не к Каре — к коробке.

— Им правда нужен телефон.

— Пригнись.

— Скажи что-нибудь новое.

Полоска стала ярче. Жестяная крышка завибрировала под ладонями.

Кара прижала коробку к полу между ног. Серебряная линия на правой руке откликнулась холодом. На мгновение ей показалось, что внутри коробки кто-то ударил ладонью по крышке.

Елисей поднял руку с руля. Золотой свет собрался на пальцах — маленький, сухой, ослепительно яркий. Он повернул зеркало.

Блик ударил назад.

Тёмная машина дёрнулась к бордюру. Затормозила. За ней недовольно загудели водители.

Елисей свернул ещё раз, потом ещё. Дома сменились

складскими зданиями, узкая улица вывела на проспект.

Погони не было.

Несколько минут в салоне слышались только шины и дыхание Кары. Серебряная линия медленно тускнела. Золотая оставалась горячей.

— Это был солнечный свет? — спросила она.

— Направленный блик.

— Удобно.

— Недолго. И только когда есть что отражать.

Он опустил руку на руль. Пальцы едва заметно дрожали.

Цена. Небольшая, но настоящая.

Кара посмотрела в зеркало. Пустая дорога.

— Ты не имел права хватать меня на лестнице.

— Не имел.

— Но сделал.

— Да.

Он не оправдывался. Это раздражало меньше, чем могло бы, но больше, чем ему следовало знать.

— Прости, — сказал Елисей. — Я увидел нестабильную линию и решил быстрее, чем спросил.

— У вас это семейное или профессиональное?

— Профессиональное. Семейное тоже есть.

Кара отвернулась к окну. Солнце отражалось в верхних этажах, утренние автобусы собирали людей на остановках. Где-то среди них Поля ждала ответа. Денис наверняка уже составил список причин, почему Кара исчезла, и половина

будет разумнее правды.

Телефон оставался в коробке. Не у матери, не у Елисея, не у человека с обожжённой рукой.

Пока — у неё.

— Мои родители?

Елисей коснулся кнопки на руле.

— Илья, доклад.

Из динамика ответил мужской голос:

— Квартира под защитой. Двое ушли за вами, больше никого не видим. Анастасия Сергеевна получила мой номер.

— Оставайтесь до смены.

— Принял.

Связь оборвалась.

— Куда мы едем?

— В Дом Солнца.

— Название звучит так, будто там выдают одинаковые белые рубашки и запрещают сомневаться.

— Рубашки свои. С сомнениями сложнее.

Кара почти улыбнулась. Почти.

— Кто посмотрит запись?

— Лев Аркадьевич Яснов. Он знает старые следы лучше всех, кого я могу к тебе привести.

Имя ничего ей не сказало.

— Он будет проверять телефон при мне.

— Я помню.

— И сначала — женщину. Не мои линии.

Елисей помолчал.

— Это будет трудно.

— Это не ответ.

— Хорошо. Сначала запись.

Кара провела пальцами по ключу под футболкой. Маленькие зубцы впились в кожу.

— И не «вы выясните», — сказала она. — Мы.

Елисей коротко кивнул.

Машина шла на запад, к незнакомому дому и человеку, которого Анастасия не назвала надёжным. В коробке на коленях лежала чужая ладонь на чёрном стекле.

Теперь у Кары хотя бы был вопрос, который никто не выбрал за неё.

Глава 4

Ворота открылись без звука.

За ними не оказалось ни колючей проволоки, ни людей с оружием. Светлая аллея шла между липами к старому особняку. На газоне работал фонтан, окна ловили утреннее солнце, у дальней клумбы женщина в садовых перчатках спорила с чёрным лабрадором из-за выкопанной луковицы.

Дом Солнца выглядел так, будто опасности здесь полагалось предварительно записаться.

Кара держала жестяную коробку на коленях. После погоны металл нагрелся от рук, но под крышкой оставался холод. Не тот ровный холод ночной линии. Короткий, настороженный, словно телефон всё ещё помнил серебряную полосу на стекле машины.

Елисей остановился у ступеней.

— Подожди.

Он вышел, обошёл машину и открыл ей дверь. Не потянул за руку. Только отступил, освобождая место.

Кара выбралась сама.

На крыльце их уже ждали.

Рыжую девушку Кара узнала: параллельный класс, вечные веснушки, привычка сдавать контрольные первой. В школе они почти не разговаривали. Сейчас девушка была в широких брюках и футболке с выцветшим лимоном, а не в вы-

пуском платье.

— Кара? — спросила она. — Я Лиза. Сестра этого молчаливого бедствия.

— Елизавета, — сказал Елисей.

— Видишь? Уже подтвердил родство.

Она улыбнулась, но не полезла обниматься и не взяла Кару под руку. Взгляд на секунду задержался на коробке.

— Ты цела?

— В основном.

— Хорошо. Остальное здесь умеют чинить. Иногда даже людей.

У дверей стояла вторая девушка, старше Лизы: светлый брючный костюм, гладкие волосы, планшет в руке. Она не садилась спиной к открытому холлу и, кажется, успела рассмотреть Кару ещё до того, как машина остановилась.

— Марина Орлова, внутренний режим, — представилась она. — Телефон передай мне.

— Доброе утро.

— Уже было. Телефон.

Кара прижала коробку к боку.

— Сначала запись смотрят при мне.

Марина перевела взгляд на Елисея.

— У нас входная проверка.

— Я обещал анализ до проверки, — сказал он.

— Ты не уполномочен менять порядок допуска.

— А я не соглашалась на ваш порядок, — сказала Кара.

Марина поправила левый манжет. Первый признак раздражения был почти незаметным, но Кара решила его запомнить.

— Дом зафиксировал два несовместимых отклика ещё у ворот. Пока мы не определим твой статус, защита будет считать тебя нарушением.

— Пусть подождёт. Я ждала семнадцать лет.

Лиза посмотрела в сторону, пряча реакцию. Елисей остался серьёзным.

— Запись связана с попыткой забрать её по дороге, — сказал он. — Улика важнее протокола заселения.

Марина несколько секунд смотрела на него. Потом разблокировала планшет.

— Хорошо. Начинаем с предмета. Но если защита свяжет его отклик с твоими линиями, разделить процедуры не получится.

— Вы хотя бы предупредили.

— Я обычно предупреждаю.

Она повернулась и вошла в дом.

Холл пах деревом, пионами и свежим хлебом. Под потолком висела камера, ещё одна смотрела на лестницу. Люди проходили между дверями, здоровались с Мариной и старались не задерживать взгляд на Каре. Уют здесь не отменял наблюдения. Его просто хорошо вписали в интерьер.

Лиза пошла рядом.

— Комнату покажу потом.

— Уже нравится твой подход.

— Еда тоже потом. Это нравится мне меньше.

Марина свернула в боковой коридор. Голоса из холла стихли. За дверью без ручки начиналась лестница вниз.

Елисей пропустил Кару первой. На стене возле его плеча был вырезан маленький солнечный знак.

— Не передумала? — спросил он.

— Поздно. За мной уже закрылись красивые ворота.

Он не стал говорить, что она может отказаться. Сейчас не могла, и оба это знали.

Комната для анализа была круглой и слишком белой. Золотые линии расходились по полу от чёрной стеклянной пластины в центре. Кара увидела своё отражение: бледное лицо, тёмные волосы, коробка в руках. Серебро на правом запястье и золото на левом в стекле не отражались.

Марина указала на низкий стол у стены.

— Открой коробку сама. Телефон положи экраном вверх в центр пластины. После начала не касайся его.

— Почему?

— Схема отделит след предмета от следов владельца. Прикосновение смешает показания.

— А я где буду?

— На внешней отметке.

Кара нашла в полу узкую золотую черту в двух шагах от центра.

— Не в круге?

— Ты настояла, чтобы сначала проверяли не тебя.

Сухо, но справедливо.

Кара сняла цепочку с ключом, открыла маленький замок и подняла крышку. Холод коснулся пальцев. Телефон лежал экраном вниз на чёрной ткани. Трещина пересекала стекло от верхнего угла до середины.

Она включила запись и поставила телефон на пластину.

Алина вышла к микрофону. За её спиной темнел выключенный экран.

— Стойте, — сказал мужской голос от двери. — Полный свет разрушит остаточное отражение.

Кара обернулась.

Пожилой мужчина вошёл без спешки. Белые волосы, короткая аккуратная борода, светлая рубашка под тёмным жилетом. Лицо человека, которому привыкли освобождать место ещё до просьбы.

Марина опустила планшет.

— Лев Аркадьевич. Мы только начали.

— Поэтому и успел.

Он посмотрел на телефон, затем на Кару.

— Лев Яснгов.

— Кара Воронцова.

— Я знаю.

— А про отражение откуда знаете? Запись ещё не дошла до женщины.

Яснов улыбнулся без заминки.

— Из доклада Елисея. Он был достаточно подробным.

Кара посмотрела на Елисея. Тот стоял у двери рядом с Лизой и следил за линиями на полу. Вопрос пришлось отложить.

Яснов подошёл к Марине.

— Оставьте треть мощности. Сначала только предмет.

— На третьей мы не получим полную структуру.

— Нам пока достаточно не уничтожить то, ради чего её привезли.

Марина поправила манжет и изменила настройки.

Яснов остановился за внешней линией.

— Начинаем? — спросил он Кару.

Она кивнула.

Золото на полу загорелось не сразу. Свет прошёл от стен к чёрной пластине, собрался вокруг телефона тонкой рамкой. Сначала Кара почувствовала только сухое тепло в лице. Потом правое запястье кольнуло холодом.

На записи появилась темноволосая женщина.

Она смотрела в объектив. Световая рамка дрогнула.

— Останови кадр, — сказала Марина.

Кара потянулась к телефону и вспомнила запрет.

— Я не могу.

Елисей сделал шаг, но Марина уже провела пальцем по

планшету. Запись замерла. Женская ладонь осталась прижатой к чёрному экрану.

От телефона к правой руке Кары протянулась серебристая нить.

Не линия. Сила двигалась, искала дорогу, поэтому Кара узнала поток раньше, чем успела испугаться. Холод прошёл под кожей и ударил в локоть.

— Связь с владельцем, — сказала Марина.

— Нет, — ответил Яснов. — След чужой.

На планшете ещё не появилось результата.

Марина бросила на него взгляд.

— Сопоставление не закончено.

— Посмотрите направление. Он отвечает ей, но не выходит из неё.

Серебряная нить натянулась. Золотая линия на левой руке Кары вспыхнула в ответ.

Свет на полу изменился.

До этого схема окружала телефон. Теперь один луч повернул к внешней отметке и лёг Каре под ноги.

— Марина, — сказал Елисей.

— Вижу.

Она попыталась погасить луч. Тот моргнул и стал ярче.

Тепло поднялось по ногам. Сначала мягкое, потом сухое и давящее. Схема нашла солнечную линию Кары и приняла её за разрешение продолжить.

— Остановите, — сказала Кара.

— Уже.

Но свет не погас.

Золото давило слева. Серебро тянуло справа. Два ритма снова разошлись, и тело оказалось между ними. Во рту появился металлический вкус.

Телефон завибрировал на стекле.

Женщина в остановленном кадре повернула голову.

Совсем немного. Этого движения не было в записи.

— Вы видели? — выдохнула Кара.

Никто не ответил.

Белый свет ударил в грудь.

Кара согнулась. Золотая линия под ногами сомкнулась вокруг неё. Схема уже не читала след. Она решала, можно ли впустить Кару в дом.

— Разомкните левый луч, — сказал Яснов.

— Он не отвечает.

— Тогда вручную.

Он шагнул через внешнюю черту.

Елисей двинулся следом.

— Нет, — резко сказал Яснов. — Твой отклик усилит её золото.

Елисей остановился. Руки у него были сжаты так сильно, что побелели костяшки.

Яснов опустился на одно колено и положил ладонь на световую линию.

Запахло палёной тканью.

Кожа на его ладони покраснела сразу. Он провёл пальцами поперёк луча, как будто стирал мел с доски. Свет сопротивлялся, поднялся к запястью, но линия на полу разорвалась.

Давление исчезло.

Кара пошатнулась. Елисей оказался рядом, но на этот раз не схватил. Выставил руку перед ней ладонью вверх.

Она ухватила за его предплечье.

Пол перестал уходить из-под ног.

— Дыши, — сказал он.

— Занята.

Голос вышел хриплым. Из носа на губу скользнула кровь.

Лиза принесла салфетку. Не спросила ничего, только вложила в свободную руку.

Марина стояла над планшетом. На экране мигали две схемы, наложенные друг на друга.

— След не принадлежит Карине, — сказала она. — Ночная сигнатура. Личность не определяется.

— Потому что вы ищете её в солнечном реестре, — сказал Яснов.

Он поднялся. На правой ладони темнел узкий ожог.

— Совет Ночи сможет сопоставить лицо и след в чёрном зеркале.

Кара вытерла кровь.

— Женщина может быть жива?

Марина посмотрела на замерший кадр.

— Результат этого не показывает.

Яснов тоже не ответил за неё.

Телефон всё ещё лежал в центре. Женщина снова была неподвижна.

Кара отпустила руку Елисея и подошла к пластине. Марина не остановила её. Свет погас, схема больше не держала предмет.

— Телефон нужно поместить в защищённое хранилище,
— сказала она.

— Он останется у меня.

— После такого отклика это небезопасно.

— После такого отклика я тем более его не отдам.

Яснов взял у Лизы вторую салфетку и прижал к ожогу.

— Условие было согласовано от имени Дома, — сказал он.

— Подготовьте новый защитный чехол и верните телефон Каре.

Марина сжала планшет.

— Вы принимаете риск?

— Я принимаю данное обещание.

Кара подняла телефон сама и закрыла в жестяной коробке.

На чёрной пластине остался холодный отпечаток ладони.

Он исчез прежде, чем Марина успела повернуть планшет.

Комната Кары находилась на втором этаже, в конце восточного коридора. Большое окно выходило в сад, на кровати лежало бежевое покрывало, в шкафу висели пустые плечики. Красиво, удобно и совершенно чужое.

Марина поставила рюкзак у стола.

— Внешняя связь отключена. Для родителей будет защищённый канал. Одна по дому пока не ходишь. Двери с солнечным знаком не открываешь. Если линии меняют ритм, сообщаемь мне или Ланскому.

Три правила вместо лекции. Кара всё равно почувствовала решётку.

— А выйти отсюда я могу?

— В сад — с сопровождением. За ворота — нет.

— Значит, гостевая комната с режимом содержания.

— Значит, место, где человек с обожжённым пальцем не заберёт твой телефон.

Марина сказала это без удовольствия. Просто положила неприятный факт на стол между ними.

— Поспи, — добавила она. — Твои линии сейчас расходятся на четыре удара в минуту.

— Ты умеешь говорить что-нибудь не пугающее?

— Умею. Но сейчас это было бы бесполезно.

Она вышла.

Кара села на кровать. Коробка осталась у неё на коленях. Хотелось позвонить Поле, написать Денису, услышать мать. Телефон показывал отсутствие сети, хотя за окном на вышке

горели все деления.

Дом действительно защищал её.

Даже от собственных сообщений.

Через двадцать минут постучал Яснов.

Он держал поднос с чайником и двумя чашками. Ожог на ладони закрывала белая повязка.

— Можно войти?

Кара кивнула на кресло у окна.

Яснов поставил поднос на стол и сел, не придвигаясь ближе.

— Начну с родителей. Они дома, защита квартиры восстановлена, у подъезда остаются наши люди. К вечеру тебе передадут сообщение.

Воздух вышел из лёгких медленно.

— Спасибо.

— Елисей настоял на отдельных постах и проверил имена охраны. Благодарю его.

— Он уже знает, что я умею.

Яснов налил чай. Обычный чёрный, без трав и попыток угадать её вкус.

— Теперь о тебе. Световая проверка признана неприменимой. Не неудачной. Разница важна: проблема в схеме, а не в том, что ты не подошла под её ответы.

Формулировка была точной. Кара только сейчас заметила, что сжимает край коробки. Пальцы разжались.

— Марина согласилась?

— Марина согласна с тем, что можно доказать. За это я её ценю.

— А вас ценят за то, что вы доказываете нужное?

Яснов посмотрел на неё поверх чашки.

— Иногда. Чаще за то, что умею вовремя остановиться.

Его перевязанная ладонь лежала на колене. Сегодня он остановился вовремя. Этот факт не становился менее настоящим из-за остальных вопросов.

— След чужой, — сказала Кара. — Что это меняет?

— Твоё пробуждение не создало женщину на записи. Ты заставила уже существующее отражение ответить.

— Почему меня?

— Не знаю.

Яснов произнёс это спокойно. Без длинной версии, которая помогла бы скрыть пробел.

— Завтра Совет Ночи проведёт зеркальную проверку. У них есть архивы, к которым Дом Солнца доступа не имеет.

— А сегодня нельзя?

— Сегодня ты дважды удержала несовместимый отклик, пережила погоню и позволила старой схеме едва не сжечь себя. Если привезти тебя в таком состоянии, Совет получит удобный повод объявить результат нестабильным.

Готовое решение уже лежало на столе вместе с чаем. Разумное. Даже заботливое.

— А если я не соглашусь завтра?

— Телефон останется загадкой. Ты — человеком без мет-

ки, которого оба Совета могут защищать только временно.

— Или контролировать.

— Это часто одни и те же действия. Разница проявляется в том, кто имеет право их остановить.

— И кто имеет?

Яснов чуть улыбнулся.

— Пока слишком мало людей. Я хотел бы, чтобы ты стала одной из них.

Красивый ответ. Кара не решила, нравится он ей или слишком хорошо знает, что ей понравится.

Она посмотрела на повязку.

— Вы назвали её остаточным отражением до того, как увидели запись.

— Я читал доклад.

— Елисей написал именно так?

— Насколько помню. В моём возрасте память тоже нуждается в снисхождении.

Он не раздражился. Не отвёл глаза. Только оставил ей объяснение, в которое можно было поверить.

Перед уходом Яснов остановился у двери.

— Телефон не включай без защитного чехла. Его принесут до вечера. И, Кара, не позволяй чужой системе убедить тебя, что её ошибка говорит что-то о тебе.

Когда дверь закрылась, чай остался горячим. Фраза — правильной.

Вопрос никуда не делся.

Лиза появилась через час с тарелкой пирожков и новым чехлом для телефона. Чехол был тяжёлым, тёмно-синим и закрывался металлической скобой.

— Марина сказала, старую коробку можно оставить как семейную реликвию.

— Она умеет шутить?

— Нет. Поэтому я решила, что это угроза.

Кара переложила телефон сама. Лиза смотрела в окно, пока она вводила пароль.

— Спасибо.

— Я хочу, чтобы ты знала: здесь не все считают чужой экран общим имуществом.

Они вышли в сад. По дороге Лиза показала столовую, лестницу к библиотеке и три двери с солнечным знаком, которые велела не трогать. У арки в малую гостиную стояла светловолосая девушка с книгой в руках.

Она была безупречной до последней складки кремового платья. Посмотрела сначала на Лизу, потом на Кару.

— Светлана Оболенская, — представилась она сама. — Ты Карина Воронцова.

— Лучше Кара.

— Я знаю, как тебя называет Елисей.

Лиза перестала улыбаться.

— Света, мы идём к собакам.

— Я не задержу.

Светлана держала книгу обеими руками. Большой палец

лежал между страницами, но Кара заметила: за всё время девушка ни разу не посмотрела на текст.

— Елисей должен был сегодня ехать с моим отцом, — сказала она. — Он отменил встречу.

— За мной гнались. Неудачное совпадение с расписанием.

— Для тебя — возможно.

Голос оставался вежливым. От этого укол не становился случайным.

— Я не просила его отменять встречу.

— Знаю. Он решил сам.

Светлана посмотрела в сторону лестницы. Не на Кару.

— Тогда спрашивать нужно у него, — сказала Кара.

— Спрошу.

Светлана освободила проход.

— В восточном коридоре редко селят посторонних.

— Дом утром вообще пытался меня исключить.

На лице Светланы мелькнула настоящая реакция.

— Он так проверяет тех, кого обязан защищать.

— Очаровательно.

— Я не говорила, что это хорошо.

Они разошлись без улыбок.

В саду к Лизе подлетели две чихуахуа. Рыжий Леденец потребовал немедленного признания, белая Конфетка разрешила погладить себя после короткой проверки. Последним подошёл корги. Тяжёлый, рыже-белый, с серьёзными ушами.

— Портос, — сказала Лиза. — Главный специалист по людям.

Портос обнюхал кеды Кары, потом новый чехол в её руке. Нос коснулся серебряной линии. Кара замерла, но холода не было. Корги сел рядом и положил голову ей на колено.

— И что это значит?

— Что можно дышать.

Лиза опустилась на траву рядом.

Кара последовала её примеру. После белой комнаты земля казалась убедительнее любой защиты: тёплая, неровная, с сухой травинкой, которая колола ладонь. Леденец забрался ей на бедро. Портос не двигался.

Несколько минут никто ничего от неё не хотел.

Ужинали в маленькой гостиной окнами в сад. Суп, хлеб, пирожки, компот. Лиза говорила о собаках, Марина ела быстро и читала что-то в планшете, Светлана не пришла. Елисей появился к концу ужина, убедился, что Кара держит ложку, а не падает лицом в тарелку, и сел напротив.

Не спросил о линиях при всех.

Кара это заметила.

После ужина Елисей нашёл её у фонтана.

В руках у него был сложенный лист бумаги. Он остановился в двух шагах от скамьи.

— Можно?

Кара подвинулась, оставляя место.

Он сел не вплотную. Передал лист.

Почерк был отцовский, крупный и немного наклонный:

«Мы дома. Охрана на месте. Мама уже трижды проверила фамилии. Не отдавай телефон и не спорь со всеми сразу. Папа».

Внизу мать приписала другим почерком:

«Со всеми можно. Только по очереди».

Кара перечитала два раза и сложила лист по старым сгибам.

— Они правда дома?

— Да. Я говорил с Ильёй полчаса назад.

— Спасибо.

— Я обещал.

Вода в фонтане падала ровно. В окнах отражался сад, уже тёмный, и люди внутри дома.

Кара достала телефон в новом чехле.

— Ты написал в докладе «остаточное отражение»?

Елисей повернул голову.

— Нет.

— Что написал?

— «На видеозаписи зафиксирован неизвестный след. Проявляет отклик на обе линии Кары». Почему?

— Яснов назвал отражение до того, как мы включили нужный кадр.

Елисей задумался.

— Он мог понять по схеме.

— Схема ещё не работала.

— Тогда по описанию. Он видел больше следов, чем мы с тобой вместе.

Он сказал это без колебаний, словно опыта Яснова было достаточно для любого ответа.

— Может быть, — сказала Кара.

Она разблокировала телефон.

— Посмотреть можно? — спросил Елисей.

Кара запустила запись и оставила устройство в своей руке. Елисей наклонился ближе, не касаясь ни телефона, ни её запястья.

На экране Алина пела. Женщина появилась в чёрном стекле, повернулась к каркасу и подняла ладонь.

— В анализе она двигалась после остановки кадра, — сказала Кара.

— Уверена?

— Да.

— Марина видела?

— Все молчали.

Елисей досмотрел до вспышки.

— Завтра зеркало Совета сможет вызвать отклик без солнечного давления. Если она ответит снова, будет запись из архива.

— Если Совет захочет её искать.

— Захочет.

Он сказал это слишком уверенно. Кара не стала спорить заранее.

Елисей поднялся первым.

— Я провожу до комнаты.

— Я запомнила дорогу.

Он посмотрел на тёмный коридор за стеклянными дверями, потом на неё.

— Тогда пойду рядом.

Не «нельзя одной». Уже лучше.

В комнате Кара закрыла дверь и снова открыла запись. Остановила на лице женщины. Потом перешла в заметки и напечатала:

«Кто она?»

«Почему ответила мне?»

После короткой паузы добавила третью строку:

«Откуда Яснов знал, что это отражение?»

Телефон она заперла в чехле и положила ключ под подушку.

Глава 5

Ключ от тёмно-синего чехла колол Кару под ключицей всю дорогу.

Она могла убрать его в карман. Не убирала. Телефон лежал в рюкзаке у неё на коленях, а ключ напоминал, что хотя бы одна важная вещь сегодня открывается только с её согласия.

Марина сидела впереди и листала на планшете памятку Совета Ночи. Не читала вслух всё — только то, что могло испортить ближайшие полчаса.

— На входе телефон поместят в защитный пакет. Понесёшь сама. Откроешь только в проверочной комнате.

— Уже лучше, чем «отдаёшь мне».

— Я умею учитывать опыт.

Елисей посмотрел на Марину с переднего пассажирского сиденья. Та не подняла глаз.

— На заседании отвечай точно, — продолжила она. — Не перебивай Юлию Романову. Если зеркало начнёт вытягивать линию, скажи сразу. Не пробуй удержать обе из упрямства.

— А из вежливости можно?

Марина поправила манжет.

— Вчера у тебя шла кровь носом.

Кара отвернулась к окну.

Москва за стеклом была серой и мокрой. Дворники сдви-

гали воду, на несколько секунд открывая автобусные остановки, киоски, людей под зонтами, а потом город снова расплывался. Обычное утро продолжалось в нескольких сантиметрах от неё. Кто-то опаздывал на работу. Кто-то нёс пакет из аптеки. Никому не требовалось ехать к тайному Совету и доказывать, что его существование стоит учитывать.

— Сначала зеркало, — сказала Кара. — Потом всё остальное.

— Порядок определяет принимающая сторона, — ответила Марина.

— Я еду туда из-за женщины на записи.

— И из-за метки.

— Женщина появилась раньше.

Елисей обернулся.

— Я скажу им.

— Не скажи за меня. Просто не мешай сказать самой.

Он выдержал её взгляд.

— Хорошо.

Машина свернула с широкой улицы на дорогу между мокрыми липами. В конце аллеи стояли чёрные ворота. Никакой вывески, камер или будки охраны. Перед капотом дрогнул воздух, и створки разошлись без звука.

За ними Москва не исчезла. За оградой шумели машины, где-то работал отбойный молоток. Просто здесь весь городской звук становился тише, словно проходил через воду.

Тёмные корпуса соединялись стеклянными переходами.

В центре двора лежал неглубокий круглый бассейн. Чёрная вода поднималась к каменному краю и опускалась, хотя ветра не было.

Кара задержала взгляд. На поверхности мелькнула её рука — сначала правая с серебряной линией, потом левая с золотой. Лицо между ними не успело появиться.

— Не смотри долго, — сказал Елисей.

Он не потянул её за собой. Кара отвернулась сама.

У входа Марина получила от охранника серый пакет без застёжки. Ткань раскрылась под её ладонью и сразу потемнела по краям.

— Чехол внутрь, — сказала она.

Кара достала телефон и положила его вместе с ключом. Пакет сложился, точно запомнил форму. Марина протянула его обратно.

— Не потеряй.

— Ты сейчас шутишь?

— Нет.

— Жаль. Было бы хорошо.

Внутри пахло мокрым камнем и крепким чаем. Второй запах оказался сильнее у круглой чаши в приённом зале.

На её мраморном бортике стоял потёртый синий термос. Рядом девушка в свободном сером свитере водила пальцем над водой. Та собиралась вокруг ногтя маленьким валиком и снова опадала.

— Лада, — сказала Марина. — Проверка готова?

Девушка посмотрела сначала на пакет у Кары, потом ей в лицо. Светлые глаза, тёмная коса, след от ручки на боковой стороне ладони.

— Зеркало готово. Тимур — нет, но это его обычное состояние.

Из-за прозрачной перегородки донеслось:

— Я всё слышу.

— Значит, слух готов.

Появился высокий парень с растрёпанными волосами. В одной руке он держал тонкую пластину с бегущими знаками, другой пытался застегнуть манжету толстовки.

— Карина Воронцова? — спросил он.

— Кара.

— Тимур Левин. Система с шести утра уверяет, что к нам едет одновременно солнечная, ночная и ошибка чтения.

— Какую версию выбрал ты?

— Ошибку чтения. Она хотя бы чинится.

Лада сняла с термоса крышку и налила чай.

— Не слушай. Он разговаривает с людьми так же, как с техникой, только технику иногда жалеет.

Тимур посмотрел на неё.

— Техника выполняет инструкции.

— Поэтому вчера ты два часа ругался с дверью?

— Она первая начала.

Кара взялась за край пакета крепче. Лада и Тимур были уставшими, занятыми и совсем не похожими на людей, кото-

рые собирались судить, насколько правильно она существует. От этого стало легче ровно настолько, чтобы снова почувствовать страх.

— Сначала заседание, — сказала Марина. — Потом проверка.

— Нет, — сказала Кара.

Марина повернулась к ней.

— Мы обсуждали порядок.

— Ты его сообщила. Это не обсуждение.

— Если Совет сначала откажет, зеркало не понадобится, — произнёс незнакомый голос.

Парень, стоявший в проходе, не выглядел человеком, которого задерживают чужие правила. Тёмные волосы ещё не высохли после дождя, ворот чёрной рубашки был расстёгнут на одну пуговицу больше, чем полагалось официальному учреждению. Он смотрел на Кару без жалости и без привычного осторожного любопытства. Скорее ждал, что она сделает с неудобным вопросом.

Елисей стал неподвижнее.

— Максим.

— Ланской.

Максим перевёл взгляд на Марину.

— Юлия хочет решить статус до доступа к архиву?

— Юлия назначила порядок.

— Я не её спрашивал.

Он посмотрел на Кару.

— Тебе зачем сюда?

Вопрос прозвучал просто. Без «вас привезли», «вам необходимо» и «в ваших интересах».

— Узнать, кто женщина на записи.

— Тогда зеркало.

— Потом мне могут отказать в метке.

— Могут. Зато ты будешь знать, в чём именно тебе отказывают.

Елисей сказал:

— Не обещай ей доступ, которого у тебя нет.

— Я ничего не обещал.

Это было правдой. Максим предлагал не безопасность и не победу. Только порядок, который совпадал с Кариной целью.

Кара повернулась к Марине.

— Сначала зеркало.

Лада поставила крышку с чаем рядом с термосом.

— Проверочная свободна сейчас. Через двадцать минут её займут до вечера.

Марина посмотрела на Елисея. Он не ответил за Кару.

— Я уведомя Романову, — сказала Марина. — Если она остановит процедуру, выходим сразу.

Максим отступил из прохода.

— После тебя, Кара.

Он запомнил имя с первого раза.

Чёрное зеркало занимало всю дальнюю стену.

Оно не отражало комнату. На его поверхности дрожал тусклый прямоугольник потолочного света, но ни Кары, ни Лады, ни Тимура перед ним не было.

В полу стояла низкая металлическая подставка для телефона. Вдоль её края шла одна серебряная линия, без узоров и лишней торжественности.

— Пакет положи сюда, — сказал Тимур. — Достанешь телефон сама. Запись запускаешь сама. Если перестанешь понимать, где находишься, говоришь вслух.

— Что именно?

— Любое слово, которое точно относится к этой комнате. Лада поставила синий термос на мраморный выступ справа от зеркала.

— Скажи «термос». Он достаточно некрасивый, чтобы не оказаться видением.

— Я всё ещё слышу, — сказал Тимур.

— Тебя тоже можно. Но ты менее надёжен.

Кара развернула серую ткань. Тёмно-синий чехол оказался тёплым от её рук. Ключ вошёл в скобу с тихим щелчком. Телефон она положила на подставку, но ладонь не убрала.

— Во время проверки не касайся, — сказал Тимур. — Иначе зеркало не отделит твой отклик от следа.

— Я уже слышала эту фразу в Доме Солнца.

— Значит, хоть что-то у них работает.

Кара отпустила телефон.

За её спиной остались Елисей и Марина. Максим встал у двери, где ему велели наблюдать и не вмешиваться. Лада заняла место у чёрной чаши сбоку. Вода в ней была неподвижной.

— Готова? — спросила Лада.

Кара посмотрела на экран.

— Нет.

— Хорошо. Запускай.

На записи Алина пела, гирлянды дрожали над сценой, у дверей двигались люди. Обычные несколько секунд, которые Кара уже знала почти по кадрам.

Женщина появилась в чёрном экране сбоку.

Короткие волосы. Тяжёлый взгляд. Поднятая ладонь.

Зеркало напротив Кары потемнело.

Серебряная линия на подставке вспыхнула и побежала к стене. Холод вошёл в правое запястье тонкой иглой. Почти сразу левая ладонь нагрелась, сухо и глубоко, будто под кожей открыли дверь в освещённую комнату.

Один удар сердца отозвался серебром. Второй — золотом. Чёрная поверхность дрогнула.

Лицо женщины проступило в ней крупнее, чем на телефоне. Она не повернулась к Каре и не заговорила. Так и смотрела в сторону сцены, туда, где над Алиной стягивалась невидимая петля.

Вокруг изображения появились бледные строки. Сначала перевёрнутые, потом зеркало собрало их в читаемый текст.

ВЕЛЕС МАРТА СЕРГЕЕВНА

Кара прочитала имя про себя.

Марта.

Следующая строка вспыхнула ниже.

ДЕЛО Н-17/41

Тимур быстро коснулся пластины.

— Совпадение подтверждено.

Третья строка появилась не сразу.

СТАТУС: ПОГИБЛА

В комнате стало очень тихо. Даже пластина в руках Тимура перестала потрескивать.

Кара смотрела на слово, пока буквы не начали расплываться.

— Когда? — спросила она.

Под статусом проступила ещё одна строка.

КОНТУР СЛЕДА: ЗАКРЫТ

— Этого не может быть, — сказала Лада.

Вода в чаше поднялась к её пальцам.

Из стены раздался голос Юлии Романовой:

— Прекратить архивный вывод.

Тимур не двинулся.

— Карточка уже поднялась.

— Заккрыть.

Строки исчезли. Имя Марты осталось на долю секунды

дольше остальных, затем зеркало снова стало чёрным.

Холод в Кариной правой руке рванулся к локтю. Золото ответило толчком под рёбра. Сердце сбилось: два коротких удара, пауза, один слишком сильный.

Она схватилась за край подставки.

— Не держи зеркало, — сказала Лада.

— Я не держу.

— Держишь. Смотри вправо. Что там?

Кара не могла оторваться от чёрной стены. Ей казалось, если моргнуть, Марта исчезнет окончательно. Не лицо на записи. Человек, которого только что уместили между номером и словом «погибла».

Вода из чаши вытянулась тонким кольцом и легла на зеркало по краю. Холод изменился: перестал тянуть из Кары и пошёл по кругу.

— Кара. Справа.

Она повернула голову.

Синий термос. Потёртая краска у дна, маленькая вмятина на крышке.

— Термос.

— Ещё.

— Тимур. Пластина. Мрамор.

— Хорошо. Руку убери.

Кара разжала пальцы. На коже остались четыре красные полосы от края подставки.

Лада повела кистью. Водяное кольцо сомкнулось, зеркало

выдохнуло сыростью и отпустило обе линии разом.

Колени у Кары подогнулись. Елисей шагнул вперёд, но остановился, когда Лада подняла ладонь.

— Стул сзади, — сказала она Каре. — Сядешь сама или помочь?

— Сама.

Кара нащупала сиденье и опустилась. Комната стояла на месте. Уже неплохо.

Тимур забрал пластину от зеркала, быстро просмотрел знаки и показал Ладе одну строку. Та нахмурилась.

— Что? — спросила Кара.

— Закрытый контур не должен отвечать из внешнего отражения, — сказала Лада.

— Может, карточка ошиблась?

— Карточка — может. След — нет.

— Лада, — предупредила Марина.

— Она и так видела.

Лада сняла крышку с термоса, налила чай и протянула Каре. Чай был крепким и слишком сладким.

Кара держала крышку обеими руками. Металл грел пальцы. Перед глазами стояла не архивная строка, а поднятая ладонь Марты на экране — точный жест человека, который увидел опасность раньше остальных и всё равно успел предупредить.

— Она точно умерла? — спросила Кара.

Лада села на край мраморного выступа.

— В архиве есть запись о смерти. Больше нам не показали.

— Почему дело закрыли?

— Это спросишь у Совета.

— Они ответят?

Лада посмотрела на чёрное зеркало.

— Нет.

В дверь постучали один раз.

— Романова ждёт, — сказала Марина.

Кара допила чай. На дне остался нерастворившийся сахар.

— Номер дела помнишь? — спросил Тимур.

— Н-семнадцать дробь сорок один.

Он кивнул. Лада забрала крышку и закрутила на термос.

— Тогда пошли выяснять, почему тебе нельзя его помнить.

Юлия Романова сидела во главе длинного чёрного стола.

Красивое пожилое лицо, тёмные волосы без седины, прямая спина. Она не пыталась казаться суровой. Суровость была бы лишним движением.

Справа от неё сидела женщина лет тридцати в чёрном жакете. Серебряные кольца на пальцах выглядели декоративными, пока Кара не заметила тонкие знаки на внутренней стороне каждого.

— Валерия Обсидиан, — представилась женщина. —

Аналитик зеркального архива.

— Вы видели проверку?

— Я вижу её протокол.

Валерия повернула к себе тонкую пластину.

— И протокол не сходится с архивной карточкой.

Юлия посмотрела на неё.

— Это предмет внутренней проверки.

— Пока да.

Елисей остался у стены за серебряной дугой. Максим стоял напротив него, в секторе консультантов. Марину в зал не пустили. Кара оказалась перед столом одна, но на этот раз хотя бы никто не называл это проверкой безопасности.

На столе перед Юлией лежал плотный серый лист с чёрной печатью.

Уже готовый.

— Я хочу увидеть дело Марты Велес, — сказала Кара.

— Нет, — ответила Юлия.

— Она появилась на моей записи.

— Это не даёт тебе архивного допуска.

— Её закрытый след ответил мне. Ваш аналитик только что сказала, что протокол не сходится.

— Валерия сказала, что несовпадение требует внутренней проверки.

— Без меня.

— Архив проверяет себя сам.

— Удобно.

— Не всегда.

Юлия не оправдывалась. Это раздражало сильнее мягких объяснений Яснова: в её голосе закон не нуждался в том, чтобы нравиться человеку, которого оставлял снаружи.

— Почему Марта погибла? — спросила Кара.

— Обстоятельства дела закрыты.

— Кто закрыл?

— Совет.

— Когда?

— Этот вопрос не относится к твоему статусу.

— Мой статус сейчас единственная причина, по которой вы можете не отвечать?

Валерия подняла глаза от пластины. Максим у стены перестал улыбаться.

Юлия сложила руки перед собой.

— Мы собрались рассмотреть запрос о ночной метке. Ты понимаешь, что она означает?

— Признание Совета. Право на защиту. Обязанности перед ним.

— И принадлежность к линии, которую Совет способен учитывать. Твоя ночная проводимость подтверждена. Солнечная — тоже. Вместе они не соответствуют ни одной форме метки.

— Но соответствуют мне.

— Человек шире закона. Закон от этого не становится шире автоматически.

— Значит, его можно изменить.

— Можно. Не на этом заседании.

Юлия коснулась серого листа.

Кара посмотрела на чёрную печать.

— Вы подготовили отказ до проверки.

— Совет готовит проекты всех решений заранее.

— Где второй?

Тишина получилась короткой. Этого хватило.

Валерия медленно сняла одно кольцо и положила рядом с пластиной. Металл тихо ударил о дерево.

Юлия сказала:

— Почему Совет Ночи должен дать тебе метку?

Кара могла перечислить погоню, запись, две линии, родителей под охраной и чужую мёртвую женщину, которая ответила именно ей. Всё это уже лежало в чужих протоколах.

— Потому что я уже есть.

— Существование не равно признанному статусу.

— Поэтому я здесь.

Юлия посмотрела на неё внимательнее.

В центре стола потемнел небольшой круг стекла. Из него раздался голос Яснова:

— Дом Солнца подтверждает готовность продолжить временную защиту Кары.

Он говорил спокойно, как накануне в гостиной. Кара представила перевязанную правую ладонь рядом с чашкой чая.

— Совпадение с делом Велес вы получили? — спросила Юлия.

— Да. Оригинал записи и защитный чехол останутся у Кары. Дом не требует их передачи на хранение.

Елисей чуть опустил плечи. Яснов снова защищал её право оставить телефон. Этот факт тоже был настоящим.

— Принято, — сказала Юлия.

Тёмный круг погас.

Она подняла серый лист.

— Совет Ночи отказывает Карине Воронцовой в установке стандартной метки до появления законной формы для смешанной проводимости и подтверждённого контроля обеих линий.

— То есть пока закона нет, защиты тоже нет.

— Со стороны Совета Ночи — нет.

— Если меня заберут люди, которым нужна запись?

— Это будет преступлением против тебя. Но не посягательством на носителя под защитой Совета.

Кара поняла сразу. Просто несколько секунд не хотела понимать.

У человека без метки можно отнять жизнь. Совет, возможно, осудит способ. Не потерю.

— А дело женщины, которая ответила мне, вы тоже не дадите.

— Нет.

— Потому что я не имею к нему отношения?

— Юридического — не имеешь.

Валерия сказала:

— Фактическое отношение зафиксировано.

Юлия повернула к ней голову.

— Во внутреннем протоколе.

— Другого вы ей не оставляете.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Валерия первой вернула кольцо на палец, но не отвела глаз.

Юлия протянула Каре лист.

Бумага была холодной. Внизу, над печатью, стояла строка: «Права и обязанности в рамках Совета Ночи: не предусмотрены».

Кара перечитала её один раз.

— Вы даже не зачеркнули, — сказала она. — Просто не вписали.

Юлия не ответила.

Двери за спиной Кары открылись сами.

Лада ждала в коридоре. Синий термос она прижимала локтем к боку, в другой руке держала стопку прозрачных пластин.

— Ну? — спросила она.

Кара показала лист.

Лада прочла последнюю строку и вернула бумагу.

— Логично.

— Ты говорила, ждать логики.

— Я не обещала, что она понравится.

Кара посмотрела на термос. Вмятина на крышке теперь вспоминалась яснее лица Юлии.

— Почему закрытый след ответил?

— Не знаю. Но закрытие — это действие. У него есть исполнитель, время и способ.

— Как это проверить?

Лада оглянулась на дверь Совета.

— Официально — ждать внутреннюю проверку.

— А неофициально?

— Сначала выучить достаточно, чтобы понимать ответ.

Она сдвинула верхнюю пластину и на её матовом краю написала пальцем три цифры. Свет задержался на поверхности.

417

— Внутренний добавочный. После заката. Если спросишь про Марту, я отключусь.

— А про закрытые следы?

— Это технический вопрос.

Лада стёрла цифры ладонью.

— Не жди справедливости, Кара. Жди логики. Если закрытый след ответил, значит, закрыто было не всё.

Тимур выглянул из проверочной.

— Лада, у нас зеркало считает, что Воронцова всё ещё

внутри.

— Скажи ему, что ей отказали. Оно любит официальный язык.

— Я пытался. Оно требует печать.

Лада закатила глаза и ушла к нему. Термос стукнулся о дверной косяк.

У выхода ждал Максим.

Он не спросил, как Кара себя чувствует. Посмотрел на бумагу в её руке и сразу понял.

— «Не предусмотрены»?

— У вас типовой отказ?

— У нас типовые страхи.

Елисей встал рядом с Карой.

— Мы уезжаем.

Максим говорил не с ним.

— Совет проведёт проверку, напишет заключение и закроет его рядом с делом Марты. Это официальный путь.

— А твой?

— Найти человека, который видел дело до печати.

— Ты видел?

— Нет.

Честность прозвучала почти резко.

— Тогда чем ты полезен?

— Я знаю, кто умеет искать старые двери.

— И сколько это стоит?

Максим улыбнулся, но не ответил сразу. Первый честный

пробел в его предложении.

— Сначала реши, нужен ли тебе файл сильнее, чем раз-
решение.

Он шагнул в сторону, освобождая выход.

— Если решишь — спроси Вельского.

— Очень таинственно.

— Здесь любят добавочные номера.

Кара прошла мимо. Максим не коснулся её и не пошёл
следом.

На улице начался дождь.

Марина вернула серый защитный пакет. Кара сразу про-
верила чехол: скоба закрыта, ключ внутри пакета. Телефон
был там же, где она его оставила.

В машине бумага с отказом лежала у неё на коленях. Ели-
сей сел рядом, но ничего не сказал, пока ворота Совета не
скрылись за мокрыми липами.

— Ты вернёшься в Дом? — спросил он.

— У меня есть выбор?

Он посмотрел на неё прямо.

— Есть. Я хочу, чтобы ты вернулась. Там я могу тебя за-
щищать.

— Но не дать доступ к делу.

— Не могу.

— И не обещаешь?

— Нет.

Вчера его уверенность могла бы прозвучать надёжнее. Се-

годня честное ограничение оказалось полезнее.

— Я вернусь, — сказала Кара. — Телефон останется у меня. И я буду искать, почему Марта ответила.

Елисей сжал челюсть. За окном вода бежала по стеклу ко-
сыми дорожками.

— Я не стану просить тебя забыть запись.

— А остановить?

— Если ты пойдёшь одна в опасное место — попробую.

— Уже честнее.

— Я стараюсь.

Марина протянула назад ручку.

— Запиши, пока помнишь.

Кара достала из кармана сложенную записку родителей. Отцовское «не спорь со всеми сразу» осталось на месте, материнское «только по очереди» — тоже. На внутреннем сгибе Кара написала:

Марта Велес. Н-17/41. Лада — 417.

Потом открыла решение Совета. На второй странице начинались условия пересмотра: стабилизация, обучение, заключение двух специалистов, новый созыв. Много способов отложить человека на потом.

Кара сложила оба листа вместе и убрала во внутренний карман рюкзака, отдельно от телефона.

— До завтрашней тренировки мне нужен доступ к внутренней связи, — сказала она.

Марина посмотрела в зеркало заднего вида.

— Зачем?

— Уточнить, как закрывают след.

— У кого?

Кара провела пальцем по сгибу родительской записки.

— У Лады.

Глава 6

На следующий день Кара проснулась раньше будильника.

Некоторое время она лежала неподвижно и смотрела в потолок. Дом Солнца просыпался где-то за стенами: в коридоре прошли тихие шаги, за окном коротко гавкнула собака, внизу звякнула посуда. Обычные утренние звуки, почти домашние, если не помнить, что этот дом был не домом, а временным укрытием с красивыми окнами, чужими правилами и людьми, которые решали, когда ей можно выходить из комнаты.

На тумбочке лежал сложенный лист с чёрной печатью.

Кара вчера бросила его туда перед сном, решив больше не смотреть. Потом, кажется, всё-таки смотрела. Потом снова сложила. Потом засунула под книгу, достала обратно и оставила на виду — как неприятное доказательство того, что это не приснилось.

Она протянула руку и коснулась края бумаги.

Утром она уже не была ледяной. Просто бумага. Плотная, дорогая, с красивыми буквами и формулировкой, которая за ночь успела въестись в память сильнее любого кошмара.

Права и обязанности в рамках Совета Ночи: не предусмотрены.

Кара закрыла глаза.

Вчера в машине злость была удобной. Чистой, холодной,

достаточно крепкой, чтобы на ней стоять. Но ночью лёд стал тоньше, и под ним обнаружилась совсем не героическая вещь: страх. Не панический, не такой, от которого хочется кричать. Скорее липкий, бытовой, унижительный страх человека, который вдруг понял, что если он исчезнет, несколько важных взрослых смогут долго и правильно объяснять, почему формально это не их ответственность.

Она села на кровати и провела ладонью по лицу.

— Прекрасно, — сказала она пустой комнате. — Новый день, новая возможность быть непредусмотренной.

Серебристый след на запястье едва заметно светился под кожей. Кара опустила рукав. Стоило посмотреть — и возвращались имя Марты, слово «погибла» и два удара сердца, которые никак не могли договориться о ритме.

В дверь постучали.

Один короткий удар.

Кара напряглась, но это была не Марина: Марина стучала так, будто уже заранее знала, что войдёт.

— Кара? — донёсся голос Елисея.

Пальцы задержались на краю одеяла.

После разговора в машине ничего нового они так и не сказали. Лиза пыталась расспросить её о Совете, но Кара сослалась на усталость. Ей хотелось, чтобы хотя бы до утра никто не ждал от неё следующего решения.

— Я жива, — сказала она. — Если ты с проверкой.

Дверь приоткрылась не сразу.

— Можно?

Кара едва не улыбнулась.

— С каких пор Ланские спрашивают разрешения?

— С тех пор как вчера мне очень ясно дали понять, что не все границы мои.

Кара посмотрела на дверь.

— Входи.

Елисей вошёл и остановился у порога. В утреннем свете он выглядел спокойнее, чем вчера, но спокойствие было плохо сделано: спина прямая до боли, лицо собрано, руки висят без дела. Для него — крик.

— Как ты? — спросил он.

— Выбираю между «великолепно» и «юридически отсутствую». Второе точнее.

Он опустил взгляд на лист с печатью.

— Я хотел поговорить вчера.

— Я знаю.

— И не стал.

— Тоже знаю.

Несколько секунд они молчали.

Злиться на него было удобно, но нечестно. Он привёз её туда не для унижения. Он правда думал, что Совет Ночи окажется пусть холодным, пусть неприятным, но разумным. А когда холодная разумность оказалась хуже открытой жестокости, принял это как личную ошибку.

— Я не думаю, что это ты виноват, — сказала она.

Елисей поднял глаза.

— Но ты злишься.

— Да. Просто не всё на тебя. Не льсти себе.

У него дрогнул уголок рта, но улыбки не вышло.

— Сегодня лучше не тренироваться.

— Это приказ, просьба или попытка выглядеть заботливым без лишней откровенности?

— Просьба.

Кара посмотрела на него внимательнее.

— Тогда нет.

Он выдохнул.

— Кара.

— Я серьёзно. Если я сегодня лягу под плед и буду изображать жертву бюрократического убийства, завтра вставать будет хуже. Мне нужно делать хоть что-то.

— Делать можно не только через тренировки.

— Можно. Например, можно съездить за бумажками, — раздалось от двери.

Лиза появилась на пороге без всякого драматизма, но с булочкой в руке и выражением человека, который пришёл спасти мир самым подозрительным способом.

— Доброе утро, трагические личности, — сказала она. — Я всё слышала с конца фразы про плед, и, честно, плед звучит заманчиво, но у нас есть дела.

Кара посмотрела на булочку.

— Это мне?

— Это взятка. Вставай. Едем в университет.

— Если это снова Совет, я притворюсь мебелью.

— Нет. Солнечный университет. Мне нужно забрать допуск к осенним практикам и справку для архива. Ты поедешь со мной.

— Почему я?

Лиза вошла, протянула ей булочку и только теперь посмотрела серьёзно.

— Потому что вчера тебе показали магический мир в его похоронном варианте. Хочу показать почти нормальный.

— Почти?

— Не обольщайся. Это всё ещё маги.

Елисей нахмурился.

— Лиза, не уверен, что сегодня хороший день для экскурсии.

— Это не экскурсия. Это учебный отдел. Там никто не имеет достаточно воображения, чтобы быть опасным красиво.

— После вчерашнего ей нужен отдых.

— После вчерашнего ей нужно увидеть, что магический мир состоит не только из советов, отказов и людей, которые говорят «статус не установлен» с лицом каменной селёдки.

Кара откусила булочку. Она оказалась тёплой, с корицей, совершенно неуместной и поэтому почти спасительной.

— Каменная селёдка — это Юлия?

— Я официально этого не говорила.

— Но внутренне?

— Внутренне я сказала хуже.

Елисей посмотрел на сестру так, будто хотел спорить, но не нашёл достаточно убедительной причины. Или, может быть, нашёл и решил не пользоваться.

— Я поеду с вами.

— Нет, — сказала Лиза.

— Почему?

— Потому что ты будешь стоять рядом с лицом «я отвечаю за безопасность», и Кара снова почувствует себя объектом сопровождения. А ей сегодня полезно пройти по коридорам, где люди просто опаздывают на пары и ненавидят преподавателей.

— Я не объект сопровождения, — сказала Кара.

— Вот именно, — Лиза кивнула ей. — Поэтому мы едем вдвоём.

Елисей посмотрел на Кару.

— Ты хочешь поехать?

Кара снова взглянула на лист с чёрной печатью. Потом на Лизину папку, которую та прижимала к боку так, будто битва с учебным отделом была делом чести.

— Хочу, — сказала она. — Если я официально не вписана в мир, неплохо хотя бы посмотреть, куда все остальные вписались.

Лиза улыбнулась.

— Отличная формулировка. Можешь повторить её тёте

Валентине в учебном отделе, она оценит и всё равно заставит нас ждать.

Елисей всё ещё выглядел несогласным, но отступил на шаг.

— Держи телефон включённым.

— Вот теперь ты снова звучишь нормально, — сказала Кара.

— Это плохо?

— Это стабильно.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде на секунду было слишком много невысказанного: вчерашняя дверь Совета, серебристая дуга на полу, его невозможность подойти ближе, разговор в машине, в котором оба остановились раньше нужного.

Кара отвела глаза первой.

— Я переоденусь.

— У тебя десять минут, — сказала Лиза.

— А если пятнадцать?

— Тогда я съем вторую булочку сама.

— Шантаж принят.

Через полчаса они вышли из машины у старого здания в центре Москвы.

Кара ожидала чего-то похожего на Дом Солнца: колон-

ны, золото, дорогую тишину, людей, которые умеют смотреть сквозь тебя с безупречным воспитанием. Но университет оказался другим.

Большой светлый корпус из белого камня стоял между обычными городскими домами так, будто всегда был здесь, просто люди предпочитали его не замечать. Над входом не было вывески, только круглый солнечный знак над аркой — тонкий, почти незаметный, если не знать, куда смотреть.

Во двор через раскрытые ворота шли студенты.

И вот это почему-то поразило Кару сильнее всего.

Не старшие маги, не холодные советники, не наследники древних домов, а просто студенты. Кто-то нёс стакан кофе и спорил с подругой. Кто-то сидел на ступенях с раскрытой тетрадь. Двое парней в одинаковых серых мантиях пытались удержать в воздухе светящийся шар, и шар явно не хотел участвовать в учебном процессе. Девушка с короткими синими волосами смеялась так громко, что на неё обернулся преподаватель у входа.

Обычная жизнь.

Только магическая.

— Это университет? — спросила Кара.

— Ага. Московский солнечный. Официально — Институт прикладных солнечных искусств и правовых контуров, но так говорят только на церемониях и когда хотят кого-то утомить.

— Здесь учатся? Прямо... нормально?

Лиза посмотрела на неё с улыбкой.

— Да. Ходят на пары, сдают зачёты, прогуливают лекции, влюбляются в ассистентов, плачут перед экзаменами, ругают столовую. Всё как у людей. Только иногда кто-нибудь случайно поджигает занавески щитом.

Кара медленно прошла под аркой.

Во дворе пахло кофе, нагретым камнем и липами. На стене главного корпуса висело расписание — не бумажное, а световое: строки вспыхивали и менялись, когда мимо проходили студенты. «Основы солнечного контура», «Ритуальное право», «Этика вмешательства», «Защитные формы второго уровня», «История раскола линий».

Кара остановилась перед расписанием.

— У вас есть предмет «Этика вмешательства»?

— Есть.

— И кто-то его сдаёт?

— С третьего раза почти все.

Кара фыркнула, но взгляд не отвела.

По коридору внутри здания двигались люди. Кто-то сидел прямо на подоконнике и читал толстую книгу. У стены спорили двое преподавателей. На полу, в специально очерченном круге, трое студентов отрабатывали щиты: золотые поверхности возникали перед ними, дрожали, складывались, иногда лопались с тихим хлопком.

Один щит разлетелся искрами, и парень, который его держал, обречённо сказал:

— Я ненавижу четверг.

— Это нормально? — спросила Кара.

— Ненавидеть четверг? Да. Очень солнечная традиция.

Лиза повела её в административное крыло.

Там всё стало менее волшебным и куда более узнаваемым. стойки, очереди, папки, люди с одинаково усталыми лицами. На двери висела табличка: «Учебный отдел. Приём документов до 15:00». Рядом кто-то от руки приписал: «И не минутой позже», а ниже другой почерк добавил: «НИ».

Кара остановилась.

— Это уже похоже на мой обычный мир.

— Бюрократия — единственная сила, которая одинаково работает у магов и немагов, — сказала Лиза. — Пойдём.

В учебном отделе Лизу знали.

Женщина за стойкой с серебристыми очками посмотрела на неё поверх папки с таким выражением, будто Лиза была не студенткой, а повторяющимся природным явлением.

— Ланская, опять в последний день?

— Я храню традиции.

— Традиции хранят архивисты. Студенты создают мне мигрень.

— Но с уважением.

Женщина вздохнула, достала из шкафа тонкую папку и несколько листов с печатями.

— Допуск к осенним практикам. Подпись куратора есть. Медицинская отметка обновлена. Архивная заявка одобрена

частично.

— Частично? — переспросила Лиза.

— Нижний уровень тебе не дадут, сколько бы ты ни улыбалась.

— А если очень красиво?

— Особенно если очень красиво.

Лиза забрала документы с видом человека, чья дипломатия потерпела временное, но оскорбительное поражение.

Кара стояла рядом и смотрела на печати.

Солнечные знаки, подписи, уровни допуска, учебные практики. Всё это было невозможным — и знакомым. Обычное поступление, только вместо медицинской справки — отметка о состоянии магического здоровья, вместо кафедры — домовая принадлежность, вместо «допущен к экзамену» — «допущен к практике защитных форм».

У всех здесь была строка.

Курс, направление, куратор, архивный уровень, будущая практика.

Даже у Лизы, которая шутила с женщиной за стойкой так, будто пришла не к древней магической бюрократии, а в школьную канцелярию.

— А если бы я училась здесь? — спросила Кара, когда они вышли в коридор.

Лиза замедлила шаг.

— Теоретически?

— Теоретически.

— Тебя бы сначала попытались определить на подготовительный курс. Потом десять комиссий спорили бы, какие предметы тебе можно слушать. Солнечные сказали бы, что ночные дисциплины опасны. Ночные сказали бы, что солнечные тебя испортят. Марина составила бы график, от которого ты захотела бы умереть. Елисей сделал бы вид, что это разумно.

— Звучит правдоподобно.

— А потом ты всё равно пошла бы туда, куда нельзя.

— Это уже клевета.

— Это прогноз.

Они вышли в длинную галерею. С одной стороны тянулись окна во двор, с другой — портреты выпускников. Под каждым именем была короткая подпись: «мастер защитных форм», «исследователь солнечных разрывов», «медиа-тор межлинейных конфликтов», «архивист правовых контуров».

Кара шла вдоль стены и читала.

У всех здесь было место. Факультет. Курс. Будущая роль. Даже если кто-то ошибался, прогуливал, спорил с преподавателями и поджигал занавески, он всё равно существовал внутри понятной системы.

А у неё вчера в бумаге стояло: права и обязанности не предусмотрены.

Лиза будто слышала её мысли.

— Неприятно?

— Очень.

— Мне жаль.

— Не надо. — Кара остановилась у окна. Во дворе девушка с синими волосами теперь пыталась поймать тот самый светящийся шар, а шар упрямо улетал к липам. — Просто странно. Я всю весну не знала, куда поступать. Думала, что это самая большая проблема. А теперь есть целый магический университет, факультеты, практики, люди, которые ненавидят четверг... и я всё равно не знаю, куда мне.

— Может, потому что для тебя ещё нет готовой кафедры.

— Утешительно.

— Я серьёзно. Иногда место не находят. Иногда его делают.

Кара посмотрела на неё.

— Ты сейчас говоришь как Яснов.

Лиза поморщилась.

— Ужас. Забери слова обратно.

— Забираю.

Они обе помолчали.

За окном обычная магическая студенческая жизнь продолжалась: кто-то смеялся, кто-то опаздывал, кто-то читал на ходу, едва не врезаясь в колонну. Мир, который вчера отказался признавать Кару, сегодня показывал ей аудитории, расписания и коридоры.

И почему-то от этого стало не только больнее.

Стало любопытно.

— А Лунная академия? — спросила Кара.

Лиза улыбнулась краем губ.

— Совсем другая. Там меньше солнца, больше воды, зеркал и людей, которые делают вид, что им не нужны дедлайны. Макс оттуда. Это многое объясняет. Но у них основное здание в Питере, здесь только филиалы.

— Там тоже есть учебный отдел?

— Есть. Но он называется «канцелярия допусков» и выглядит так, будто тебя сейчас принесут в жертву печати.

— Прекрасно. Хочу посмотреть.

— Когда-нибудь посмотрим. Только не сегодня. Сегодня ты и так выдержала слишком много образования.

Они пошли к выходу.

У арки Кара задержалась и ещё раз оглянулась на двор. На студентов, световые расписания, щиты, кофе, смех. На жизнь, которая могла бы стать её жизнью, если бы мир заранее знал, что делать с такими, как она.

Серебристый след на запястье тихо вспыхнул под рукавом.

Кара прикрыла его ладонью.

— Лиза.

— М?

— Если для меня нет кафедры, я правда могу сделать свою?

Лиза посмотрела на неё внимательно.

— Если выживешь — да.

— Опять низкая планка.

— Сейчас нормальная.

Кара улыбнулась.

— Тогда сначала выживу.

— Вот и отлично. А потом будешь мучить учебный отдел.

— Они ещё пожалеют, что меня не предусмотрели.

— Мне уже их жаль.

Они уже почти дошли до выхода, когда Лиза остановилась у открытого тренировочного двора.

Там, в круге из светлого камня, группа студентов отрабатывала щиты. Кара решила, что это первокурсники: слишком много паники, слишком мало достоинства. Преподаватель — высокий мужчина с короткой седой бородой — стоял у края круга и с видом человека, давно потерявшего веру в чужую координацию, повторял:

— Не толкаем поток. Не толкаем. Щит — это форма, а не кирпич, которым вы бьёте мир по лицу.

— Мне нравится этот предмет, — сказала Кара.

— Тебе бы понравился преподаватель, — ответила Лиза.

— Это Серов. Он однажды заставил целую группу три часа строить щит вокруг чайника, потому что кто-то сказал, что это «бесполезный навык».

— И пригодилось?

— На экзамене они защищали чайник от огненной стрелы.

— Я начинаю уважать вашу систему образования.

Внутри круга студенты по очереди поднимали золотистые плоскости. У кого-то щит выходил ровным, у кого-то дрожал, у одной девушки получалось что-то похожее на светящуюся салфетку. Парень у дальнего края — худой, рыжеватый, с веснушками — слишком старательно вытянул руки.

Перед ним вспыхнул щит.

Большой.

Яркий.

Слишком яркий.

Кара остановилась.

Сначала она не поняла почему. Просто что-то в воздухе перед рыжим парнем показалось неправильным. Не глазами даже — кожей. Золотой свет щита был чистым, солнечным, таким, каким, наверное, и должен был быть. Но внутри, у самого центра, мелькнула тонкая тёмная черта.

Не тень. Скорее царапина под стеклом. Волосок в идеально прозрачной линзе.

Кара моргнула.

Черта исчезла.

— Кара? — Лиза уже сделала несколько шагов вперёд и обернулась. — Ты чего?

— Там что-то не так.

— Где?

Кара кивнула на тренировочный круг.

— У него. Рыжего.

Лиза посмотрела.

Рыжий студент держал щит и выглядел скорее гордым, чем испуганным. Его друзья даже заулыбались. Преподаватель Серов прищурился.

— Макаров, не заваливай верхний край. Дыши ровнее.

— Я держу, — выдохнул студент.

— Ты не держишь, ты упрямо споришь с геометрией.

Несколько человек засмеялись.

Кара не смеялась.

Тёмная черта появилась снова.

На этот раз длиннее. Она прошла по щиту снизу вверх, будто кто-то невидимый царапнул золотую поверхность изнутри. Свет вокруг неё стал плотнее. Не ярче — именно плотнее, как мёд, который вдруг решил стать стеклом.

У Кары под рукавом слабо вспыхнул серебристый след.

— Лиза, — сказала она тише. — Правда не так.

Лиза всмотрелась.

— Я ничего не...

Щит рыжего студента хлопнул.

Не взорвался. Не рассыпался.

Схлопнулся внутрь.

Золотая поверхность резко выгнулась к самому студенту и сомкнулась вокруг него полупрозрачной клеткой. Он вскрикнул, но звук сразу стал глухим, будто его закрыли под толстым стеклом.

Смех оборвался.

— Макаров! — рявкнул преподаватель.

Он поднял руку. От его ладони к клетке ударил ровный солнечный луч — не грубый, не атакующий, скорее точный, управляющий. Кара не понимала, что именно он делает, но чувствовала: свет должен был разомкнуть то, что замкнулось неправильно.

Тёмная черта внутри клетки вспыхнула.

Солнечный луч Серова отразился.

Преподаватель успел поставить перед собой щит, но его всё равно отбросило на шаг. Студенты закричали и отступили к краю круга.

Внутри клетки рыжий парень ударил ладонями по золотой стенке.

Та не дрогнула.

— Назад! — крикнул Серов. — Всем выйти из круга!

Кара уже бежала.

— Кара! — Лиза бросилась за ней. — Стой!

— Он сейчас задохнётся!

— Ты что сделаешь?!

— Не знаю!

— Вот именно!

Они остановились у края тренировочного круга. Серов уже чертил в воздухе сложную связку знаков, два старших студента помогали ему удерживать внешнее золотистое кольцо вокруг площадки. Остальные столпились у выхода, бледные и напуганные.

Внутри клетки Макаров тяжело дышал. Свет вокруг него

стал гуще; лицо парня покраснело, потом начало бледнеть.

— Не отвечает, — сказал один из старших студентов. Голос у него сорвался. — Оно не как учебное.

— Я вижу, — процедил Серов. — Второй раз не бьём. Отражает чистый поток.

Кара смотрела на клетку и чувствовала, как паника вокруг становится почти осязаемой. Все видели золотой свет. Все видели, что щит запер студента. Все видели ловушку.

Но никто не видел тёмную черту внутри.

Она шла не по поверхности, а глубже. Тонкая, неровная, как неправильно наложенная строчка. Кара не знала, откуда взялось это узнавание. Может, из вчерашнего зеркала. Может, из того странного чувства, когда чужая магия не складывалась в одну картинку. Но эта чёрная нить казалась неправильной не просто на вид — кожей, дыханием, всем телом.

— Там... шов, — сказала Кара и сама не поняла, почему выбрала именно это слово.

Серов резко повернулся к ней.

— Кто вы?

Лиза шагнула между ними.

— Лиза Ланская. Третий курс, следопытское направление. Допуск к осенним практикам второго уровня.

— Тогда уведите постороннюю за границу круга.

— Нет, — сказала Кара.

Серов посмотрел на неё так, будто она предложила тушить пожар бензином.

— Девушка, это не экскурсия.

— Я вижу, где он держится.

Тишина вокруг стала странной.

Даже Макаров внутри клетки перестал стучать ладонями и смотрел на них мутным взглядом.

Лиза медленно повернулась к Каре.

— Где?

— Внутри. Снизу вверх. Не свет. Тёмное. Оно как будто держит клетку изнутри. Если бить светом, становится крепче.

Серов прищурился.

— Вы видите внутренний дефект?

— Я не знаю, как это называется.

— Покажи, — сказала Лиза.

Кара растерялась.

— Как?

— Пальцем. Только не трогай.

— Я не настолько...

Лиза посмотрела на неё.

— Ладно. Иногда настолько. Но сейчас не трогай.

Кара вытянула руку и указала на нижний левый край клетки.

— Отсюда. И вверх. Оно двигается, но не как свет. Скорее как нитка под тканью.

Лиза больше не задавала вопросов.

Она опустилась на одно колено прямо у границы круга и

достала из папки тот самый допуск, за которым они приезжали: тонкую светлую пластину с подписью куратора и едва заметным солнечным знаком под верхним слоем. Подпись куратора отзывалась слабым светом, настроенным лично на Лизу. Документ оказался ключом с ограниченным числом дверей.

— Ланская, — сказал Серов предупреждающе. — Это учебный допуск.

— Значит, сейчас будет учебное применение.

Она сорвала с пластины защитную оболочку.

Пластина вспыхнула мягким белым светом и распалась на несколько тонких нитей. Нити повисли в воздухе, дрожа, как паутина на ветру.

Кара смотрела, замороженная.

Лиза была совсем другой.

Не та рыжая девчонка, которая болтала о собаках, таскала булочки и смеялась над Мариной. Сейчас она двигалась быстро, точно и невероятно спокойно. Лицо сосредоточенное, губы чуть приоткрыты, пальцы уверенно перебирают светящиеся нити так, будто она не импровизировала, а делала это тысячу раз.

— Подтверди положение, — сказала Лиза.

Кара моргнула.

— Что?

— Эта нитка. Шов. Называй как хочешь. Он здесь?

Одна из нитей Лизы коснулась внешней поверхности

клетки.

Золотой свет вспыхнул.

Макаров внутри закашлялся.

— Нет! — Кара схватила Лизу за рукав. — Выше нельзя. Оно туда втягивает.

Лиза мгновенно убрала нить.

— Хорошо. Ниже?

— Ниже да. Там слабее. Но если потянуть прямо, оно закроется.

— Значит, не потянем.

— Что ты делаешь?

— То, за что меня однажды выгнали с практикума на две недели.

Серов стиснул зубы.

— Ланская.

— Потом накажете. Сейчас держите внешний круг, чтобы его не разнесло.

Преподаватель несколько секунд смотрел на неё.

Потом резко повернулся к старшим студентам:

— Внешний круг. На третьем дыхании. Не давить.

Лиза бросила Каре короткий взгляд.

— Говори, если шов двинется.

— Я не умею.

— Уже умеешь.

Это было сказано так просто, что спорить стало некогда.

Лиза развела руки.

Серебристые нити легли сбоку от золотой клетки и замерли у самой поверхности. Дрожь нитей повторяла каждый сбой контура.

Вот почему Лиза была следопытом.

Она не ломала мир, не пыталась доказать ему силу; она спрашивала, где у него слабое место.

Тёмная черта внутри клетки дрогнула.

— Она уходит вправо, — сказала Кара. — Нет, вниз. Пытается спрятаться.

— Направление вижу, саму не вижу.

— Она как... чёрная складка. Сейчас под рукой у него. У Макарова. Пусть уберёт руку!

Лиза крикнула:

— Макаров, руку от стенки! Быстро!

Парень внутри клетки не понял. Или не услышал. Он всё ещё держался ладонью за золотую поверхность, тяжело дыша.

Кара не выдержала и ударила кулаком по каменному бортику круга.

— Руку убери!

Неизвестно, услышал он её голос или просто увидел движение губ. Но Макаров дёрнулся и отнял ладонь.

Тёмная линия проступила ярче.

— Есть, — выдохнула Лиза.

Её нити метнулись вниз и разделились: две обошли клетку снаружи, третья скользнула по самому краю, четвёртая ушла

почти в пол. На секунду Кара увидела всю конструкцию так, будто кто-то нарисовал её поверх мира: золотая клетка, тёмная внутренняя строчка и серебряные линии Лизы, которые не атаковали, а подцепляли узел с трёх сторон.

— Не светом, — сказала Кара. — Оно ждёт свет.

— Я поняла.

Лиза закрыла глаза.

Серебристые нити стали ярче.

— Лиза, — сказал Серов уже не сердито, а предупреждающе. — Это выше твоего допуска.

— Потом впишете в отчёт.

— Тебя может ударить отдачей.

— Кара, он движется?

Кара смотрела на чёрную линию.

Та извивалась, как живая. Пыталась уйти вверх, к горлу Макарова, и от этого у Кары похолодели пальцы.

— К шее, — сказала она. — Быстро.

Лиза резко выдохнула.

Нити сомкнулись.

Не на клетке.

На шве.

Серебро вошло в тёмную линию, будто игла в ткань. Шов вспыхнул грязным синим светом. Золотая клетка вздрогнула. Макаров внутри закричал, но теперь звук прорвался наружу — живой, хриплый.

Серов ударил ладонями по воздуху.

— Внешний круг, держать!

Студенты на краю одновременно подняли руки. Над тренировочной площадкой вспыхнул широкий солнечный купол.

Кара зажмурилась от света.

Когда она открыла глаза, Лиза стояла уже обеими ногами внутри круга. Одна её рука была вытянута к клетке, другая прижата к груди. На лбу выступили капли пота.

— Лиза! — крикнула Кара.

— Не отвлекай!

Тёмный шов рванулся.

Серебряные нити затрещали.

Одна лопнула.

Лиза пошатнулась, но не отступила.

В этот момент Кара увидела крошечный разрыв у основания клетки. Не тёмный, не золотой — пустой. Место, где шов не успел срастись с солнечной формой.

— Внизу! — крикнула она. — Под левым краем! Там дырка!

Лиза даже не посмотрела.

Она просто повернула кисть.

Оставшиеся нити нырнули вниз, нашли пустое место и потянули.

Золотая клетка раскрылась не взрывом, а выдохом.

Свет осел на землю тысячей искр.

Макаров рухнул на колени.

Серов оказался рядом первым. Он подхватил студента за плечи, проверил дыхание, приложил ладонь к его груди. Золотой свет мягко прошёл по телу парня.

— Жив, — сказал Серов. — Дышит. Ожогов нет. Контурный шок.

Только после слова «жив» Кара выдохнула. Руки дрожали.

Лиза стояла посреди круга, бледная, но на ногах. Светлая пластина в её пальцах окончательно рассыпалась пылью.

— Документ, — сказала Кара слабым голосом. — Твой допуск.

Лиза посмотрела на пустую ладонь.

— Ой.

— «Ой»?

— Ну... технически он выполнил функцию допуска.

Кара рассмеялась.

Нервно, коротко, но всё-таки.

Серов поднялся.

Несколько секунд он смотрел на Лизу так, будто выбирал между «вы нарушили все правила» и «спасибо, что спасли студента». На лице у него шла настоящая внутренняя война.

Победило второе, но первое не умерло.

— Ланская.

— Да, Сергей Павлович.

— Вы вмешались в учебное упражнение без разрешения старшего преподавателя.

— Да.

— Использовали личный допуск как расходный материал.

— Да.

— Провели размыкание нестандартного внутреннего дефекта без утверждённой схемы.

— Да.

Пауза.

Серов посмотрел на Макарова, которого уже усаживали на скамью и поили водой.

— И спасли ему жизнь.

Лиза чуть опустила голову.

— Мы спасли.

Она повернулась к Каре.

Кара не сразу поняла.

— Что?

— Ты увидела, куда смотреть.

Все посмотрели на Кару.

Ей очень захотелось сделать шаг назад. Или два. Или вообще исчезнуть за ближайшей колонной.

— Я просто сказала, где оно.

— Если бы ты не сказала, я бы была вслепую, — сказала Лиза. — И, возможно, стало бы хуже.

Серов перевёл взгляд на Кару.

— Ваше имя?

Кара напряглась.

Лиза ответила первой:

— Кара Воронцова.

По тренировочному двору прошёл шёпот.

Кара физически почувствовала, как имя делает круг среди студентов.

Та самая.

Без метки.

Из-за которой вчера собирали Совет.

Девушка с выпускного.

Она ожидала настороженности. Страха. Может быть, осуждения.

Но рыжий Макаров, всё ещё бледный и мокрый от пота, вдруг поднял руку.

— Спасибо, — сказал он хрипло.

Кара посмотрела на него.

— Лизе.

— Обеим.

Он попытался улыбнуться, но закашлялся.

Серов велел ему молчать.

Лиза подошла к Каре и тихо сказала:

— Пойдём, пока меня не назначили ответственным преподавателем за собственное нарушение.

— Ты была невероятная.

Слова вырвались сами.

Лиза моргнула.

— Что?

— Там. С нитями. Ты знала, что делать. Я бы просто сто-

яла и паниковала.

— Ты не стояла. Ты видела.

— Это не то же самое.

Лиза улыбнулась, но устало.

— Нет. Это как раз то, без чего я бы ничего не сделала.

Кара кивнула.

Но где-то внутри всё равно шевельнулась маленькая, неприятная зависть.

Не злая. И даже не к Лизе.

Просто Лиза была такой ясной в своём даре. Следопыт. Третий курс. Допуск к практикам второго уровня, пусть теперь и сожжённый в пыль. Преподаватель, который злился на неё именно потому, что понимал, какие правила она нарушила. Система, где её можно было наказать, похвалить, повесить, отстранить, вписать в отчёт.

Лиза была частью мира даже тогда, когда шла против его правил.

А Кара даже после того, как помогла спасти человека, оставалась непонятно кем: девочкой без узла, которая видит странные чёрные нитки и чаще всего понимает происходящее на полсекунды раньше катастрофы.

Полезно.

Но не уверенно. Не красиво. Не так, как у Лизы.

— Эй, — Лиза толкнула её плечом. — Ты опять ушла в трагическую внутреннюю монологию.

— У меня лицо такое?

— У тебя лицо «все талантливые, а я случайно мимо проходила». Прекращай.

Кара фыркнула.

— Ты читаешь мысли?

— Нет. Просто ты очень выразительно страдаешь.

К ним подошёл Серов. В руках он держал маленький обугленный фрагмент — то ли кусок учебного камня, то ли остаток щита.

— Это было внутри упражнения, — сказал он. — И это не часть стандартной схемы.

Лиза сразу посерьёзнела.

— Можно?

Серов отдал ей фрагмент неохотно.

— Только посмотреть. Потом он пойдёт в комиссию.

Лиза поднесла обломок к свету.

Кара посмотрела тоже.

На обугленной поверхности едва заметно проступала тонкая двойная линия: золотая сверху, тёмная под ней.

Слой поверх слоя.

Теперь Кара уже не думала о зависти.

Внутри стало холодно.

— Это не случайный сбой, — сказала она.

Лиза сжала фрагмент в пальцах.

— Нет.

Серов посмотрел на них.

— Вы знаете, что это?

Кара и Лиза переглянулись.

Ответила Лиза:

— Пока нет.

Кара добавила:

— Но это похоже на то, что кто-то хотел спрятать внутри обычной солнечной работы.

Серов стал ещё мрачнее.

— В учебном упражнении не должно быть ничего, что кто-то хотел спрятать.

— Вот именно, — сказала Кара.

По двору уже бежали ещё двое преподавателей и женщина из администрации. Студентов уводили. Макарова отправляли в лазарет. Кто-то смотрел на Лизу с восторгом, кто-то на Кару — с настороженным любопытством.

Маленький публичный успех оказался совсем не сладким.

Он оставил после себя улику.

Лиза осторожно завернула обломок в чистый лист из своей папки.

— Мы должны показать это Марине.

— И Елисею, — сказала Кара.

— И Яснову? — автоматически спросила Лиза.

Кара не ответила сразу.

Яснов был взрослым, умным, почти успокаивающим — именно таким человеком, которому полагалось показывать непонятные опасные вещи. Он умел говорить так, будто хаос можно разложить по полкам, а страх — назвать правильным

словом и тем самым сделать меньше.

И всё же после вчерашнего Совета Каре вдруг не хотелось сразу нести новую странность всем, кто умел говорить правильными словами.

— Сначала Марине и Елисею, — сказала она.

Лиза посмотрела на неё внимательно, но не стала спорить.

Они вышли из тренировочного двора уже не смеясь.

У самых ворот Лиза вдруг остановилась и посмотрела на свою пустую папку.

— Чёрт.

— Что?

— Я же за допуском приезжала.

— Ну ты его использовала.

— Марина меня убьёт.

— Ты спасла человека.

— Марина скажет, что можно было спасти человека и сохранить документ.

Кара представила лицо Марины.

И, несмотря на всё, рассмеялась.

Лиза тоже.

Они вышли из солнечного университета с обломком чужой схемы, испорченным допуском и новым ощущением: расследование больше не ждало их где-то в советах, протоколах и тёмных коридорах.

Оно просачивалось даже сюда.

В учебные дворы.

В расписания.

В места, где студенты должны были просто ненавидеть четверг.

К обеду Дом Солнца снова казался почти мирным.

Слишком мирным, если помнить, что в кармане Лизиной куртки лежал завёрнутый в чистый лист обломок чужой схемы, а её допуск к осенним практикам превратился в пыль где-то на тренировочном дворе университета.

Марина выслушала их короткий рассказ без единой лишней эмоции. Только пальцы один раз поправили манжет — быстро, резко, почти незаметно.

— То есть вы поехали за документом, использовали документ как расходный материал, вмешались в учебное упражнение, привлекли внимание половины курса и принесли мне фрагмент неизвестного вмешательства, — сказала она.

Лиза осторожно взяла с блюда кусочек хлеба.

— Если перечислять без контекста, звучит не очень.

— С контекстом тоже.

— Но студент жив.

— Это единственная причина, по которой я ещё не начала говорить долго.

Кара сидела за столом и смотрела на тарелку с супом. После университета ей казалось, что внутри всё ещё звенит:

крики студентов, золотая клетка, тёмная нитка под светом, Лизины серебристые нити. И короткое, хриплое “спасибо” Макарова, из-за которого стало одновременно легче и хуже.

Обломок забрали сразу. Марина велела никому не обсуждать случившееся вне дома, Лиза получила обещание “отдельного разговора”, а Елисей с тех пор молчал так выразительно, что Кара начинала жалеть, что он вообще умеет держать себя в руках.

Яснов пришёл уже к концу обеда.

Он не торопился, не создавал вокруг себя тревоги и потому странным образом успокаивал комнату. Сел не во главе стола, а сбоку, попросил чай, выслушал Марину, задал два коротких вопроса о Макарове и о фрагменте, потом посмотрел на Кару.

— Ты сегодня начинаешь обучение, — сказал он.

Кара отложила ложку.

— Уже?

— После того, что случилось утром, откладывать было бы нечестно по отношению к тебе. Чем раньше ты поймёшь, как сила отвечает, тем меньше вероятность, что она ответит вместо тебя.

— У вас талант формулировать так, что обед становится менее вкусным.

Яснов улыбнулся.

— Профессиональная деформация. Я слишком долго работаю с последствиями.

Елисей, стоявший у окна, повернулся.

— Начнём с солнечного отклика. Он устойчивее.

— Для тебя.

— Для всех, кто умеет им пользоваться.

— Я не умею.

— Поэтому начнём.

Лиза тихо подняла стакан с компотом.

— Главное правило тренировок с Лисом: если он говорит “ещё раз”, это может означать от двух до пятидесяти повторов. Не верь первому числу.

— Предательница, — сказал Елисей.

— Информатор.

Кара улыбнулась — коротко, больше из благодарности, чем от веселья.

Тренировочный зал был светлым, высоким и неприятно пустым.

Маты на полу, зеркала вдоль стены, несколько манекенов у дальней перегородки. Из окон лился дневной свет — ясный, прямой, без теней, за которыми можно было бы спрятаться. Кара остановилась в центре и почувствовала себя мишенью, которую пока не решили, из чего именно будут проверять.

Елисей встал напротив.

— Сначала без формы. Только отклик.

— То есть?

— Закрой глаза. Найди тепло.

— Можно инструкцию для людей, которые вчера ещё считали магию жанром кино? Где искать, как выглядит, что делать, если оно не отвечает?

— Ты всегда споришь с упражнениями?

— Только с теми, которые звучат как загадки от сфинкса.

У него едва смягчился взгляд.

— Представь не солнце как картинку, а ощущение. Тепло на коже. Свет через закрытые веки. То, что возвращает в тело.

Кара закрыла глаза.

Сначала пришло не тепло, а раздражение. Она стояла бо-сиком на мате, в чужом зале, в чужом доме, среди людей, которые уже успели решить, что ей надо учиться быстрее, чем она успеет испугаться. Вчера Совет Ночи объяснил ей, что для неё нет строки в законе. Сегодня от неё ждали, что она послушно найдёт внутри себя солнце.

Очень удобно.

— Ты злишься, — сказал Елисей.

— Наблюдательный.

— Злость мешает.

— А мне помогает не развалиться.

Он помолчал.

— Тогда не убирай её. Просто не дави ею на всё остальное.

Кара открыла глаза.

— Это был первый понятный совет за день.

— Запомню.

Елисей подошёл на расстояние вытянутой руки. От него шло ровное тепло; Кара невольно подстроила под него дыхание и тут же это заметила.

— Дай руку, — сказал он.

Кара подняла брови.

Пауза вышла короткой, но заметной.

— Можно? — спросил Елисей.

Так было уже нечестно.

Кара протянула руку.

Он легко коснулся её запястья выше серебристого следа, у пульса. Прикосновение отозвалось всем телом: Кара вдруг слишком хорошо почувствовала каждую подушечку его пальцев.

— Здесь, — сказал он. — Солнечный отклик будет не на поверхности. Глубже.

— А если его нет?

— Есть.

— Ты уверен?

— Да.

— Опять твоя раздражающая уверенность.

— Нет. Я чувствую.

Кара закрыла глаза снова.

На этот раз она не пыталась представить солнце. Получалось только думать о его руке на своём запястье, о ровном тепле рядом, о том, как странно после вчерашнего “не предусмотрено” услышать от кого-то такое простое и уверенное

“есть”.

Серебристый след на руке отозвался холодом, будто не хотел уступать. Но где-то глубже, под рёбрами, вспыхнула тонкая золотая искра.

Кара резко вдохнула.

— Не хватай, — сказал Елисей. — Дай ей остаться.

— Я не хватаю.

— Хватаешь.

— Как ты это понимаешь?

— Она дрожит.

Между пальцами Кары появилась тонкая светящаяся нить. Бледно-золотая, неуверенная, будто её вытянули из воздуха слишком рано. Она тянулась от ладони к ладони и дрожала, как паутинка на ветру.

Кара открыла глаза.

— Это я?

— Ты.

— Маленькая.

— Первая.

Она смотрела на нить и вдруг почувствовала глупое, почти детское восхищение, от которого стало неловко.

Она сделала это.

Сама.

Ладно, не совсем сама. Но всё-таки сделала.

— Что теперь?

— Удерживай.

— А долго?

— Сколько сможешь.

— Вот и началось.

Елисей не улыбнулся, но глаза стали мягче.

Нить продержалась несколько секунд и погасла.

Кара опустила руки.

— Это было жалко.

— Это было хорошо.

— Не ври из педагогических соображений.

— Я не вру.

— Точно. Твой недостаток.

Елисей отступил на шаг.

— Ещё раз.

Лиза была права.

“Ещё раз” оказалось не просьбой, а образом жизни.

Кара сбилась со счёта после двадцатой попытки. К концу она ненавидела солнце, маты, собственные руки и особенно Елисея, который всё это время оставался спокойным, ровным и бесчеловечно терпеливым.

Зато нить стала появляться быстрее. Иногда держалась дольше. Несколько раз даже переставала дрожать, и тогда Кара успевала почувствовать под кожей не чужое вмешательство, не страшную ночную глубину, не ледяной след на запястье, а что-то своё: слабое, живое, упрямое.

Когда она наконец села прямо на мат, тяжело дыша, Елисей протянул ей бутылку воды.

— Прогресс.

— Если это слово означает “умираю медленно”, то да.

— Завтра будет легче.

— Ты всегда так оптимистично врёшь?

— Это не ложь. Тело привыкнет.

— У меня магия или физкультура?

— И то и другое.

В дверях появился Яснов.

Кара не слышала, когда он вошёл. В этом доме вообще слишком многие появлялись так, будто двери были необязательной частью архитектуры.

— Для первого занятия неплохо, — сказал он.

— Вы давно здесь?

— Достаточно, чтобы понять главное.

Он подошёл ближе, но не вторгся в пространство, которое до этого занимал Елисей. Просто посмотрел на Карину руку. Серебристый след потускнел, а рядом с ним кожа всё ещё хранила слабое золотое послесвечение.

— Солнечный отклик мягкий, — сказал Яснов. — Не пытаются подавить ночной след. Это хороший признак.

Кара поморщилась.

— Мне начинать нервничать от слов “хороший признак”?

— Сегодня не обязательно.

— Очень щедро.

Яснов улыбнулся ей так, будто видел не дерзость, а усталость, которую она прятала за дерзостью.

— Отдыхай, Карина. Ты сегодня уже сделала больше, чем от тебя имели право требовать.

Это прозвучало неожиданно мягко.

И, что было хуже, неожиданно приятно.

Яснов ушёл так же тихо, как появился.

Кара проводила его взглядом.

— Он всегда так возникает из воздуха?

— Да, — сказал Елисей.

— Ужасная привычка.

— Согласен.

Он протянул ей руку, помогая подняться. Кара взялась за неё машинально — и золотая искра внутри на мгновение вспыхнула снова, легче и яснее, чем все предыдущие разы.

Пальцы Елисея сомкнулись крепче, удерживая её вес. Искра поднялась от рёбер к горлу, и Кара на одно глупое мгновение забыла, что уже встала и можно разжать руку.

Елисей тоже не двигался.

Его взгляд опустился к их соединённым ладоням, потом вернулся к её лицу. Спокойствия в нём больше не было. Только внимание, слишком открытое для человека, который обычно успевал спрятать любую реакцию раньше, чем она становилась заметной.

Он отпустил первым.

На скамье завибрировал телефон. Экран вспыхнул в полутёмном зале.

Светлана.

Его невеста.

Кара наклонилась за бутылкой так быстро, будто всё это время только воды и хотела. Пластик хрустнул под пальцами.

— Мне нужно ответить, — сказал Елисей.

— Конечно.

Он взял телефон и отошёл к окну. Не вышел из зала, не понизил голос до заговорщического шёпота.

— Да, Света. Я помню. В семь... Нет. Сегодня не отменю.

Кара сделала несколько глотков подряд. Вода была тёплой и отдавала пластиком. Прекрасно. Именно так и должен был закончиться её первый удачный магический день: обезвоживанием, помолвленным наставником и рукой, которая всё ещё помнила его пальцы без всякой уважительной причины.

Елисей закончил разговор.

— Завтра продолжим утром, — сказал он.

— До твоих важных взрослых дел?

Он посмотрел на неё чуть внимательнее, чем требовал вопрос.

— До встречи со Светланой и её отцом.

Ответ был прямым. От этого стало только неудобнее.

— Тогда постараюсь уложиться в расписание и пробудиться к завтраку.

— Не надо никуда укладываться. Если устанешь, остановимся.

Кара закрутила крышку.

— До завтра, тренер.

— До завтра, Карина.

Полное имя прозвучало аккуратно и официально. Как шаг назад, который он сделал уже после того, как между ними стало тесно.

Кара ушла первой. В коридоре она прижала холодную бутылку к ладони и подождала, пока золотая искра окончательно погаснет.

Максим приехал на следующий день ближе к полудню.

Не вошёл — появился. Словно тень у двери наконец решила стать человеком: чёрная рубашка, тёмные волосы, лёгкая усмешка, которая раздражала Кару ещё до того, как он успевал открыть рот.

— Скучала? — спросил он.

— Ужасно. Даже записала это в дневник.

— У тебя есть дневник?

— Нет.

— Жаль. Мне было бы интересно узнать, как ты меня описываешь.

— Коротко. Нецензурно.

Максим улыбнулся.

— Значит, тепло.

Для ночной тренировки они спустились не в светлый зал,

а в нижнее помещение с каменными стенами. Здесь было прохладнее и тише; звуки словно не исчезали, а оседали где-то в углах. В центре стояла широкая чаша с водой — не такая, как в Совете Ночи, проще, без мраморной торжественности, но всё равно неприятно живая на вид. Вода в ней была тёмной и неподвижной.

Елисей хотел пойти с ними. Максим посмотрел на него так, будто сама мысль о солнечном наблюдателе в ночной тренировке казалась ему дурной шуткой, и сказал:

— Если она будет всё время оглядываться на тебя, ничего не выйдет.

— Я не собирался вмешиваться.

— Ты умеешь вмешиваться молча. Это даже талант.

Кара уже открыла рот, чтобы предложить им отдельный зал для взаимного раздражения, но Елисей сам отступил.

— Я буду рядом, — сказал он.

— Конечно, — ответил Максим. — Где же ещё быть со- вести в дорогой рубашке.

Елисей посмотрел на Кару, не на него.

— Если станет плохо — зовёшь.

— Если станет плохо, я начну орать, — сказала Кара. — Думаю, все догадаются.

Он не улыбнулся, но ушёл.

Максим дождался, пока шаги стихнут, и только тогда кивнул на чашу.

— Сегодня без красивых нитей. Ночь не любит, когда её

дёргают за поводок.

— А что она любит?

— Когда её не бояться. Но это потом. Для начала достаточно не врать себе, что ты спокойна.

Кара посмотрела на воду.

Вчера солнечная искра появлялась рядом с Елисеем — тяжело, дрожаще, с усилием. Здесь усилия будто ждали от неё меньше, и именно это настораживало сильнее.

— Я боюсь, — сказала она.

— Хорошее начало.

— У вас у всех извращённые критерии успеха.

— Магия редко интересуется комфортом.

Он сел на край каменной плиты и указал ей место напротив.

— Закрой глаза.

— Почему все магические упражнения начинаются с закрытых глаз? Это заговор?

— Так ты меньше мешаешь себе лицом.

— Удар ниже пояса.

— Я старался.

Кара закрыла глаза.

— Не представляй ночь как темноту, — сказал Максим.

— Это любимая ошибка солнечных. Ночь — не отсутствие света. Она сама по себе.

— И что мне представлять?

— Ничего. Слушай.

Сначала Кара услышала воду.

Хотя вода не двигалась.

Не плеск, не капли, не течение — скорее глубокое медленное дыхание, слишком тихое, чтобы быть звуком, и слишком явное, чтобы его не замечать. Потом пришло ощущение стен: прохладный камень, темнота в швах, тень под чашей, тень у её собственных коленей.

Она не знала, как можно слышать тени.

Но они были здесь.

Не бросались, не тянулись жадно, не становились страшными руками из детских кошмаров. Просто ждали, будто давно заметили её и теперь терпеливо проверяли, заметит ли она в ответ.

— Теперь дыши, — сказал Максим. — Не зови. Не проси. Просто перестань делать вид, что их нет.

— Это звучит как приглашение тараканам.

— У тебя потрясающий дар портить атмосферу.

— Защитный механизм.

— Я заметил.

Кара вдохнула.

Тьма в углах едва дрогнула.

Она выдохнула — и прохлада прошла по коже, свежая, почти приятная, как если открыть окно ночью после душной комнаты. Серебристый след на запястье отозвался не болью и не холодом, а странным узнаванием.

Кара открыла глаза.

Вокруг её пальцев вились тонкие тёмные ленты. Они не были совсем чёрными: в глубине мерцало серебро, как лунный свет на воде, если смотреть не прямо, а краем глаза.

Она замерла.

— Это я?

— Да.

— Они выглядят живыми.

— Потому что ты наконец перестала на них давить.

Максим поднялся с каменной плиты и подошёл. Не торопясь, чтобы Кара успела увидеть движение и решить, что с ним делать.

Он протянул ладонь под её рукой.

— Положи сверху.

— Это обязательная часть программы?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Хочу проверить, пойдут ли они за тобой через чужую линию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.